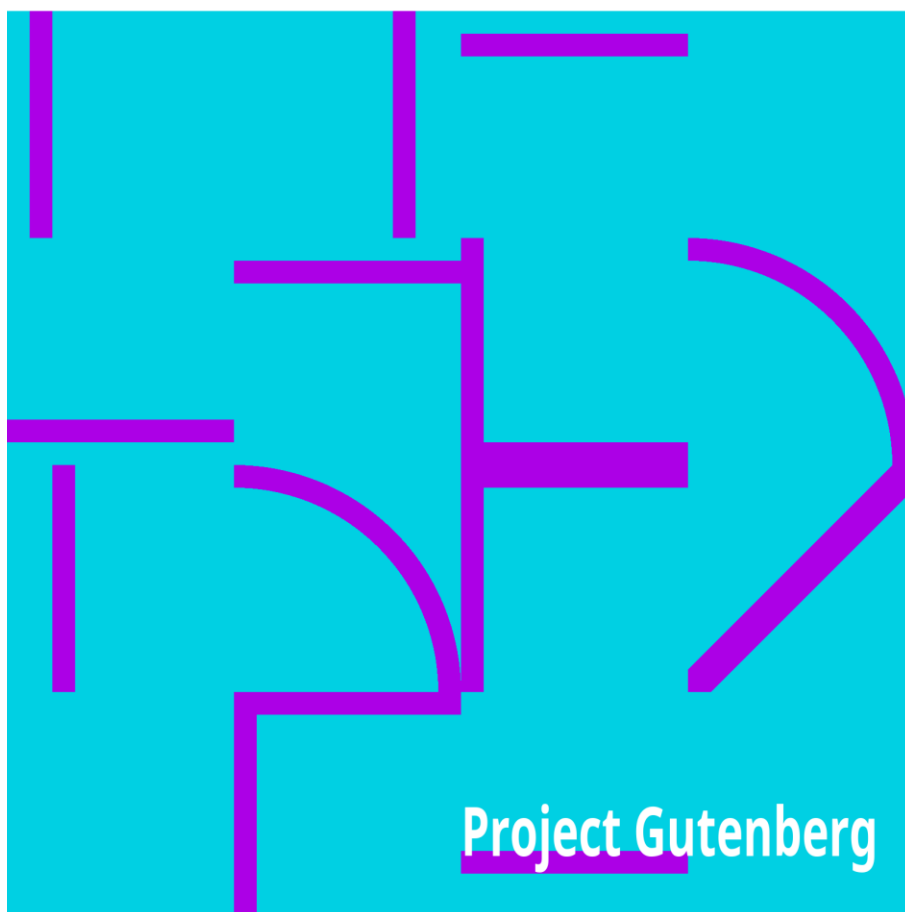

Религия Нумы и другие очерки о религии Древнего Рима

Джесси Бенедикт Картер

The Religion of Numa

Jesse Benedict Carter

The Project Gutenberg eBook of The Religion of Numa.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Религия Нумы

Автор: Джесси Бенедикт Картер

Дата выхода: 21 апреля 2006 [eBook #18222]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Барбарой Тозиер, Биллом Тозиер, Таави Калью и командой онлайн-распределенной корректуры по адресу <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE RELIGION OF NUMA ***

РЕЛИГИЯ НУМЫ

И ДРУГИЕ ОЧЕРКИ О РЕЛИГИИ ДРЕВНЕГО РИМА

BY JESSE BENEDICT CARTER

Лондон

*MACMILLAN AND CO., Limited NEW YORK: THE MACMILLAN COMPANY
1906*

Все права защищены

НА

К.Ф.К.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой небольшой книге предпринята попытка рассказать о религиозной жизни римлян с того момента, когда началась их история, и до конца правления Августа. Каждый из пяти очерков посвящен отдельному периоду и в некотором смысле завершен сам по себе; но драматическое развитие, присущее всему целому, не позволяет разделять их иначе, как на акты или главы. Несмотря на современный интерес к изучению религии, римская религия, как правило, остается в тени специалистов по античной истории и классике. Это неудивительно, ведь римская религия не привлекательна внешне, но, хотя на первый взгляд она несравненно менее привлекательна, чем греческая, при правильном понимании она не

менее интересна, а может быть, даже более. В "Римских праздниках" г-на У. Уорда Фаулера, однако, эта тема была представлена во всей своей привлекательности, и если данная книга послужит простым введением в его большую работу, ее цель будет достигнута.

Никто не может писать о римской религии, не будучи почти в неоценимом долгу перед Георгом Виссова, чья "Религия и культ римлян" является лучшим систематическим изложением предмета. Автору посчастливилось быть учеником Виссова, и многое, что содержится в этой книге, является его прямой заслугой, и даже новые идеи, если среди них есть хорошие, являются лишь хлебом, который он бросил на воду, вернувшись к нему через много дней.

Внимательный студент, изучающий историю римлян, не может сомневаться в психологической реальности их религии, какой бы ни была его личная метафизика. Автор надеется, что эти очерки будут иметь человеческий интерес, потому что он попытался подчеркнуть эту реальность и представить римлян как людей с такими же страстями, как у нас, несмотря на все различия во времени и расе.

Сердечная благодарность г-ну У. Уорду Фаулеру и г-ну Альберту В. Ван Бюрену за их большую доброту при чтении гранков; а посвящение книги - это в лучшем случае слабая благодарность за помощь, которую оказала мне моя жена.

ДЖ. Б. К.
Рим, ноябрь, 1905 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
Религия Нумы	1
Реорганизация Сервия	27
Пришествие сивиллы	62
Упадок веры	104
Августовское Возрождение	146

РЕЛИГИЯ НУМЫ

Рим не является исключением из общего правила, согласно которому нации, как и отдельные люди, растут благодаря контакту с внешним миром. В середине пяти веков ее республики произошли Пунические войны и тесная связь с Грецией, которая сделала последнюю половину ее истории как республики столь отличной от первой половины; и в царстве, которое предшествовало республике, было такое же пришествие иностранного влияния, которое сделало позднее царство с его полуисторическими именами Тарквинов и Сервия Туллия столь отличным от раннего царства с его совершенно легендарными Ромулом, Нумой, Туллом Гостилием и Анком Марцием. Таким образом, мы имеем четыре различные фазы в истории римского общества и соответствующую фазу религии в каждом периоде; если мы добавим к этому ту новую социальную структуру, которая возникла в

результате реформ Августа в начале империи, вместе с религиозными изменениями, которые сопровождали ее, мы получим пять периодов, которые пытаются описать эти пять эссе: период до Тарквиниев, то есть "Религия Нумы"; позднее царство, то есть "Реорганизация Сервия"; первые три века республики, то есть "Пришествие Сивиллы"; последние века республики, то есть "Упадок веры"; и, наконец, ранняя империя и "Августовское Возрождение". Как и все попытки разделить историю на части, эти деления более или менее произвольны, но их удобство в достаточной степени оправдывает их создание. Однако их следует рассматривать не как самостоятельные блоки, произвольно расположенные в определенном последовательном порядке, не как пять сменяющих друг друга религиозных сознаний, а лишь как обозначение вхождения определенных новых идей в непрерывное религиозное сознание римского народа. История каждого из этих периодов - это просто запись изменений, которые новые социальные условия произвели в этом великом барометре общества, религиозном сознании общины. Наша история начинается именно с периода Старого царства.

На первый взгляд может показаться глупым пытаться нарисовать картину религиозного состояния того времени, о политической истории которого мы знаем так мало, и поэтому будет правильно, если мы поинтересуемся, какими источниками знаний мы располагаем.

Было время, не так давно, когда под знаменем новорожденной науки "Компаративная филология" собралась группа людей, считавших, что они владеют ключом к доисторической истории, и что слова сами расскажут историю там, где молчат древние памятники и литература. Это была великая и прекрасная мысль, и наука, которая ее поддержала, заняла свое место в качестве полезного и авторитетного члена сообщества наук, но ее претензии на трон открывателя тайн были сняты теми, кто был ее самыми яркими последователями, и "индогерманская религия", которая появилась на свет, является скорее приятной мыслью для праздного часа, чем основой и отправной точкой для изучения древней религии в целом. Помимо того, что первобытная религия и национальность в основном идентичны, язык и национальность отнюдь не тождественны, в случае Греции и Рима мы сталкиваемся с огромной практической трудностью: в самый ранний период, о котором мы знаем, эти две религии имеют так мало сходства, что мы должны либо утверждать для времени индогерманского единства религиозное развитие гораздо более примитивное, чем то, которое набросала сравнительная филология, либо предполагать наличие сильного упаднического влияния в случае Рима после разделения, что не менее сложно. Если мы понимаем, что в примитивной религии имя бога обычно совпадает с именем вещи, которую он представляет, то существование греческого и римского бога с именами, которые соответствуют одному и тому же индогерманскому слову, доказывает с лингвистической точки зрения, что вещь существовала и имела имя до разделения, но вовсе не то, что вещь была обожествлена или что это имя было именем бога в то время. Поэтому мы должны довольствоваться тем, что начинаем изучение религии гораздо скромнее и в более поздний период.

На самом деле мы не можем вернуться значительно раньше рассвета политической истории, но есть определенные соображения, которые позволяют нам хотя бы понять явления самого рассвета, те пережитки культуры, которые вырисовываются в сумерках и понимание которых дает нам честный старт в нашем историческом развитии. Этим знанием мы обязаны так называемому "антропологическому" методу, который основан на предположении, что человечество по сути своей единообразно и что это единообразие оправдывает вывод об очень древней мысли из очень примитивной мысли варварских и диких народов наших дней. На первый взгляд слабость этого утверждения более очевидна, чем его сила, и легко

показать, что доисторическая примитивная культура народа, предназначенного для цивилизации, - это одно, а отсталая примитивная культура современных племен, заторможенных в своем развитии, - совсем другое, так что, как уже часто говорилось, эти два явления имеют друг к другу отношение, не похожее на отношение здорового маленького ребенка к идиоту в полный рост. И все же между ребенком и идиотом есть определенное сходство, и независимо от того, доисторическая это культура или отсталая, примитивная культура везде демонстрирует сильное сходство, и этот метод приносит пользу, если мы ограничим наши рассуждения теми вещами в жизни дикарей, которые объединяют два вида примитивной культуры, доисторическую и отсталую. Для этого, однако, мы должны обладать некоторыми знаниями о доисторической культуре, и наш современный отсталый дикарь должен использоваться лишь для освещения некоторых вещей, которые мы видим только в полумраке; он никогда не должен использоваться в качестве фигуры для зарисовки тех особенностей доисторической жизни, о которых мы находимся в полном неведении. Она особенно полезна для изучающего римскую религию, потому что он стоит на пограничной полосе и, оглядываясь назад, видит достаточно темных фигур, вырисовывающихся позади него, чтобы жаждать большего света. Ведь во многих фазах ранней римской религии присутствуют черты, восходящие к старым манерам мышления, и эти манеры мышления не свойственны римлянам, а встречаются у многих примитивных народов наших дней. Самый большой вклад, который антропология внесла в изучение ранней римской религии, - это "анимизм".

Не более четверти века назад слово "анимизм" стало использоваться для описания той особой фазы психологического состояния примитивных народов, когда они верят, что дух (*анима*) обитает во всем, материальном и нематериальном. Этот дух обычно тесно связан с самой вещью, иногда фактически отождествляется с ней. Когда он мыслится как нечто отличное от вещи, предполагается, что он имеет форму вещи, одним словом, является ее "двойником". Эти двойники оказывают влияние, часто злое, на вещь, и поэтому целесообразно и необходимо умиловить их, чтобы устранить их злое влияние и обеспечить процветание самой вещи. Эти двойники еще не являются богами, это всего лишь силы, потенциальные возможности, но со временем они превращаются в богов. Первым шагом на этом пути является обретение *имени* - имени, знание которого дает определенный контроль над силой тому, кто его знает. Наконец, эти силы, наделенные именем, начинают приобретать личные черты, восприниматься как личности и, наконец, представляться в виде людей.

Нельзя доказать, что все боги Рима возникли именно таким образом, но, несомненно, многие из них возникли, и не исключено, что все; и эта теория их происхождения объясняет лучше, чем любая другая теория, некоторые привычки мышления, которые ранние римляне лелеяли в отношении своих богов. В то время, когда начинается наше знакомство с римской религией, в Риме было множество богов, но очень немногие из них были не более чем именами сил. Никто из них не является настолько личным, чтобы связывать их в мифы. И это очень простая причина, по которой не существовало исконной римской мифологии, пробел в раннем развитии Рима, который многие современные авторы отказываются признавать, беря на себя ненужные хлопоты по созданию оригинальной мифологии, впоследствии утраченной. Боги раннего Рима не были ни женаты, ни замужем, у них не было ни детей, ни внуков, не существовало божественных генеалогий. Вместо этого они иногда мыслились как более или менее индивидуальные силы, но обычно как масса потенциальных возможностей, сгруппированных для удобства как "боги страны", "боги кладовой", "боги мертвых" и т. д. Даже когда они представлялись как нечто индивидуальное, они обычно были очень тесно

связаны с соответствующим объектом, например, Веста была не столько богиней очага, сколько самой богиней "Очаг", Янус - не столько богом дверей, сколько богом "Дверь".

Но в той же мере, в какой человеческий элемент отсутствовал в представлении о божестве, в той же мере усиливался элемент формализма в культе. Этот формализм не следует трактовать в соответствии с нашими современными представлениями; это не был формализм, ставший результатом и наследником упадочной духовности; это не был вторичный продукт в эпоху упадка веры; но он сам был сущностью религии в период величайшей религиозной чистоты. В тщательном и добросовестном исполнении этой формы заключался весь долг человека перед своими богами. Такое положение вещей было бы нетерпимо для любого народа, чьи инстинкты были бы менее чисто юридическими. Законы, касающиеся богов, и законы, касающиеся людей, были настолько идентичны, что, хотя в самый ранний период римской юриспруденции *ius divinum* и *ius humanum* уже разделены, они разделены лишь формально, как две отдельные области или провинции, в которых дух закона и часто даже буква его принятия одинаковы. Такой формализм подразумевает очень твердую веру в существование богов. Взаимоотношения человека с богами столь же реальны, как и его взаимоотношения с согражданами. Но, с другой стороны, хотя существование богов ни на минуту не подвергается сомнению, сами боги - величина неизвестная; поэтому из формальных отношений никогда не развивалась близость, и хотя едва ли справедливо характеризовать ранний культ исключительно как религию страха, настоящая привязанность, безусловно, появилась лишь гораздо позже. Потенциальность богов всегда затмевала их личность. Но это еще не все потери, поскольку отсутствие личности препятствовало росту тех грубых мифов, которые обычно встречаются у примитивных народов, ведь более чистые и вдохновляющие мифы о богах не являются продуктом первобытности, а возникают в результате процесса рафинирования, сопровождающего рост культуры народа. Таким образом, теория анимизма освещает религиозное состояние той пограничной истории, в которой обитали Ромул и Нума Помпилий.

В соответствии с приятной выдумкой, которую так любил древний мир, - верой в то, что все институты можно проследить до их создания каким-то человеком, - религия Рима, как предполагалось, была основана ее вторым царем Нумой, и было принято ссылаться на все, что было наиболее античным в культе, как на часть почтенной "религии Нумы". Для нас это может быть просто названием, и даже как название, вводящее в заблуждение, поскольку часть верований, с которыми мы имеем дело, восходит на много веков назад до Ромула и традиционного 753 года до н. э. как основания Рима. Но это удобный термин, если мы понимаем под ним просто старое царство до начала иностранного влияния. Римляне более позднего времени придумали отличное название не столько для этого периода, сколько для существовавшей тогда религии, противопоставив исконные божества Рима новым иноземным богам, назвав первых "старыми туземными богами" (*Di Indigetes*), а вторых - "новопоселенными богами" (*Di Novensides*). Для получения знаний о религии этого периода мы не зависим от простой теории, какой бы хорошей она ни была сама по себе, но в дополнение к ней у нас есть лучшие современные свидетельства, и именно открытию этих свидетельств современное изучение римской религии практически обязано своим существованием. Записи ранней политической истории были в значительной степени уничтожены в 390 году до н.э., когда галлы захватили Рим, но религиозный статус, с консервативностью, характерной для религии в целом, претерпел очень мало изменений за все эти годы и оставил запись о себе в ежегодно повторяющихся праздниках римского года, праздниках, которые превратились в инстинктивную функцию жизни простого народа. Много веков спустя, когда календарь был выгравирован на камне, эти почитаемые старинные

праздники были начертаны на этих каменных календарях особенно крупными буквами, отличающимися от всех остальных пунктов. Таким образом, по найденным фрагментам этих каменных календарей, возраст которых составляет девятнадцать веков, мы можем прочесть еще восемь или десять веков назад. С помощью этого "календаря Нумы" мы можем утверждать о присутствии в Риме этого времени одних божеств и столь же важном отсутствии других. А по характеру присутствующих божеств и самих праздников можно составить правильную и более или менее подробную картину религиозного состояния того времени. Этот календарь и извлеченный из него список *индигетов* являются основой для всего нашего изучения истории римской религии.

Религиозные формы общины всегда настолько связаны с ее социальной организацией, что удовлетворительное знание одной из них практически невозможно без знания другой. К сожалению, в римской истории нет области, где теории были бы столь обильны, а факты столь редки, как в вопросе ранней социальной организации. Но, не вступая в конфликт ни с одной из конкурирующих теорий, мы можем сделать, по крайней мере, следующие заявления. В основном сообщество было довольно однородным и гомогенным, не было больших социальных крайностей и заметных инородных элементов, так что каждый человек, если бы он остановился, чтобы проанализировать свое социальное положение, оказался бы в четырех различных отношениях: отношение к себе как индивидууму, к своей семье, к группе семей, которые составляли его клан (*gens*), и, наконец, к государству. Мы можем сделать еще один безопасный шаг и утверждать, что наименее важным из этих отношений было отношение к самому себе, а наиболее важным - к своей семье. Единицей социальной жизни раннего Рима был не человек, а семья, и в самых примитивных представлениях о жизни после смерти именно семья, а не человек, обладает бессмертием. Государство - это союз не индивидов, а семей. Сама психологическая идея индивида, по-видимому, развивалась веками и достигла своего реального значения только в эпоху империи. Таким образом, из четырех элементов мы установили главенство семьи и важность государства, основанного на идее семьи; индивида в этот ранний период можно не принимать во внимание, остается только клан, который, однако, представляет собой сложную проблему. Семье и государству было суждено удержать свои позиции, лишь меняясь местами с течением времени, так что государство было на первом месте, а семья - на втором; индивидуум должен был приобретать все большее значение, но клан уже умирал, когда начиналась история. Это приятная теория, которая имеет высокую степень вероятности, что, возможно, было время, когда клан был для семьи тем же, чем является государство в начале истории, и что когда государство возникло из союза различных кланов, непосредственная преданность каждой семьи постепенно отчуждалась от ее клана и переходила к государству, так что клан отказался от своей жизни, чтобы государство, дитя своего собственного создания, могло жить. Если это так, то становится понятно, почему социальное значение клана прекращается так рано в римской истории.

Таким образом, центром ранней религиозной жизни является семья и государство как макрокосм семьи; отец каждой семьи - ее главный жрец, а царь как отец государства - главный жрец государства. Что касается индивида, то единственным богом, которому он поклоняется, является его "двойник", называемый в случае мужчины его *Гением*, а в случае женщины - ее *Юноной*, ее индивидуализацией богини Юноны, совершенно отдельным божеством, свойственным только ей. Но даже здесь проявляется семейный инстинкт, и хотя впоследствии Гений и Юнона представляют все интеллектуальное в человеке, первоначально они, по-видимому, символизировали детородную силу человека в связи с продолжением рода. Семья и государство, однако, бок о бок поклонялись целому ряду божеств.

В первобытной хижине, модель которой дошла до нас во множестве маленьких погребальных урн раннего времени (например, в тех, что недавно раскопали на замечательном кладбище под Римским форумом), с одной дверью и без окна, было несколько элементов, нуждавшихся в умиловании: сама дверь как хранительница зла, очаг и ниша для хранения пищи. Богом-дверью был бог-дверной Янус, сам *ianua*; очаг находился в ведении женщин, жены и дочерей, поэтому они служили богине Весте; а ниша для хранения продуктов, *penus*, находилась в ведении "богов-кладовщиков" (*Di Penates*). Само государство было создано по образцу дома. У него был свой Янус, священная дверь, внизу, на Форуме, и сам царь, отец государства, был его особым жрецом; у него был свой очаг, где горел священный огонь, и своя Веста, за которой ухаживали весталки, дочери государства; и у него было свое хранилище-ниша с его пенатами. Позднее, но все еще очень рано, к домашнему культу добавилось представление о всеобщем защитнике дома, Ларе, что породило знакомое выражение "Ларес и Пенаты". Происхождение этого *Лар Фамилиарис*, как его называют, интересно, потому что оно показывает тесную связь между хозяйственной жизнью общины и ее религией. Изначально Лары были группой богов, которые присматривали за различными фермами; они были во множественном числе, потому что им поклонялись там, где пересекались границы нескольких ферм, но хотя несколькими из них поклонялись вместе, каждая ферма имела своего отдельного Лара. Но забота о ферме включала в себя и защиту дома на ферме, так что Лар фермы стал также и Ларом дома, сначала, конечно, дома на фермах, а затем и каждого дома повсюду, даже если с ним не было связано никакой фермы.

Помимо Весты, Гения, Лара и Пенатов, возможно, самым важным элементом семейного культа был культ умерших предков. Этот культ, конечно, присущ почти всем религиям, и его присутствие в римской религии пока неудивительно, но форма, в которой он там встречается, любопытна и относительно редка. Как у живого человека есть "двойник", Гений, так и у мертвого тоже должен быть двойник, но этот двойник изначально не Гений, который, как кажется, сначала считался прекратившимся вместе с человеком. Напротив, как смерть является великим нивелировщиком и удалителем индивидуальности, так и двойник умершего сначала мыслился не как индивидуальный двойник, а просто как часть неопределенной массы духов, "добрых богов" (*Di Manes*), как их называли, потому что боялись, что они могут быть только добрыми. Таким образом, эти *Ди Маны* не имели никакого конкретного отношения к человеку, и личность действительно прекращалась после смерти; единственная человеческая связь, которую *Ди Маны*, по-видимому, сохраняли, была связь с живыми членами семьи, к которой они первоначально принадлежали. Поэтому очень ошибочно утверждать, что римляне с самого начала верили в бессмертие, когда мы инстинктивно думаем о бессмертии отдельного человека. Бессмертным был не человек, а семья. Вполне соответствует практическому характеру римского ума то, что они не заботились о том, где должны были обитать духи умерших, а лишь о том, через какую дверь они могли вернуться на землю. У нас нет никаких сведений о Нижнем мире до тех пор, пока Греция не одолжила свою мифологию Риму, а воображение не построило ничего похожего на греческий дворец Плутона. Но хотя они не тратили силы на то, чтобы обставить Нижний мир причудливыми предметами, они тщательно следили за дверью выхода. Эту дверь они называли *мундус* и грубо представляли ее в виде траншеи или неглубокой ямы, на дне которой лежал камень. В определенные дни года этот камень убирали, и тогда духи снова возвращались на землю, где их принимали и развлекали живые члены их семьи. Таких дней в году было несколько, три из них разбросаны по всему году: 24 августа, 5 октября, 8 ноября; и две группы дней: 13-21 февраля и 9, 11, 13 мая. Февральское празднование, так называемые *Паренталии*, было спокойным и достойным и представляло собой все то, что было наименее суеверным и страшным в общем ужасающем поклонении мертвым. Майская *Лемурия* имела

прямо противоположный характер и относится к категории "изгнания злых духов", о которых так много примеров приводит мистер Фрейзер в своей "*Золотой ветви*".

В связи с этим интересно отметить два факта, которые являются почти что следствием этих верований. Один факт - это религиозная необходимость продолжения рода, чтобы всегда был живой представитель семьи для совершения жертвоприношений предкам. Глава семьи должен был не только сам совершать эти жертвоприношения, пока он жив, но и обеспечить себе преемника. Обычным способом был брак и воспитание семьи, но в случае отсутствия в семье ребенка мужского пола прибегали к усыновлению. Здесь особенно важно, что требовалась санкция главного жреца, а он никогда не давал своего согласия, если усыновляемый был единственным представителем своей семьи, так что его уход из этой семьи в другую оставлял его первоначальную семью без представителя мужского пола. В случаях наследования первым правом на доход было поддержание традиционных жертвоприношений, если не было заключено какого-то особого соглашения. Такие исключительные наследства, без вычета жертвоприношений, естественно, были желанны прежде всего, и фраза "наследство без жертвоприношений" (*hereditas sine sacris*) постепенно стала народным выражением для обозначения благодеяния. Другой факт, представляющий интерес в этой связи, заключается в том, что, поскольку предкам поклонялись только *массово*, а не как отдельным людям, в римской религии не мог произойти тот процесс, который так хорошо известен во многих других религиях, а именно, что великие боги государства должны были быть первоначально предками, чье величие при жизни вызвало соответствующий акцент в их поклонении после смерти, так что в конечном итоге они были выдвинуты из числа обожествленных мертвых на избранный Олимп отдельных богов. Это была излюбленная теория создания бога со времен Эвгемера и до Герберта Спенсера. Существуют религии, в которых это верно для некоторых главных богов, но в римской религии нет никаких следов этого процесса, и причина очевидна, если учесть особый характер культа предков в Риме.

Теперь мы рассмотрели основные элементы, из которых складывалась семейная религия и та часть государственной религии, которая была расширением и подражанием семейной религии. Но даже в самые примитивные времена жизнь римлянина не ограничивалась его собственной хижинкой и явлением смерти. Там было дело, которое нужно было сделать в жизни, нужно было жить, и здесь, как и везде, существовали сонмы невидимых сил, которых нужно было умиротворить. Его религия не только совпадала с каждой фазой частной жизни, но и была тесно связана с конкретными занятиями и интересами людей, и так же, как интересами общины, ее средствами к существованию были земледелие и скотоводство, так и боги были богами урожая и стад. Несколько лет назад покойному профессору Моммзену удалось извлечь из существующих каменных календарей список религиозных праздников старого римского года, а также доказать, что этот список праздников был полным в его нынешнем состоянии в то время, когда город Рим был окружен стеной, которую построил Сервий Туллий, и что он, таким образом, восходит к старому царству, ко времени того, что называют "религией Нумы". Мы не можем подробно рассмотреть все праздники, но чрезвычайно интересно заметить, что почти каждый из них связан с жизнью земледельца и представляет собой действие умиротворения какого-то бога или группы богов в каждый период римского года, который был критически важен для сельскохозяйственных интересов.

Не следует забывать и о том, что этот список не является абсолютно полным, поскольку в нем представлены только официальные государственные праздники, и даже не все, а только те, которые выпадали на один и тот же день или дни каждый год, чтобы их можно было выгравировать на камне, чтобы сформировать вечный календарь. Все государственные

праздники, которых было несколько и которые назначались в каждом конкретном году в зависимости от того, в каком состоянии находится урожай, были исключены из списка, хотя они отмечались в определенное время в каждом году; и, естественно, в государственных календарях не упоминались многочисленные частные и получастные церемонии года, к которым государство не имело никакого официального отношения, праздники семьи и клана, и даже местные праздники различных районов города.

В этом списке мирных божеств фермы есть один бог, чей характер очень сильно искажен из-за компании, которую он составляет; это бог Марс. В последнее время стало модным считать его богом растительности, и было выдвинуто множество хитроумных аргументов, чтобы показать его сельскохозяйственный характер. Но чем примитивнее община, тем острее борьба за существование и тем острее соперничество с соседями. Наряду с лемехом всегда должен был существовать меч или его эквивалент, а наряду с Флорой и Церерой всегда должен был существовать бог раздоров и сражений. О том, что Марс был таким богом как в ранние, так и в более поздние времена, говорит прежде всего тот факт, что ему всегда поклонялись за пределами города, как богу, которого нужно держать на расстоянии. Естественно, его культ был связан с главным интересом жизни, урожаем, и ему поклонялись в прекрасной церемонии очищения полей, которую так изысканно описал мистер Уолтер Патер в начале книги *"Марий Эпикуреец"*. Но он рассматривался скорее как защитник полей и оберег от злых влияний, чем как положительный фактор в развитии урожая. Кроме того, в ранний период существования римского ополчения, до появления регулярной армии, сезон военных действий приходился на лето после посева и до сбора урожая, так что два праздника, отмечавшие начало и конец этого сезона, также легко ассоциировались с состоянием урожая в это время.

Но самое интересное и любопытное в этой старой религии - не столько то, что она содержит, сколько то, чего в ней нет. Не столько то, что мы находим, сколько то, что мы упускаем, потому что более половины богов, которых мы инстинктивно ассоциируем с Римом, не было при этом старом режиме. Вот неполный список тех, чьи имена мы не находим: Минерва, Диана, Венера, Фортуна, Геркулес, Кастор, Поллукс, Аполлон, Меркурий, Дис, Прозерпина, Эскулапий, Магна Матер. И все же их отсутствие неудивительно, когда мы понимаем, что почти все боги в этом списке представляют те сферы жизни, с которыми Рим в этот ранний период был совершенно не знаком. У него не было ни заметной торговли, ни мануфактур, ни особых ремесел, ни политических интересов, кроме простого патриархального правления, которого вполне хватало для текущих нужд. Ее боги воды были богами рек и источников; Нептун был там, но он не был богом океана, как греческий Посейдон. Вулкан, бог огня, который впоследствии был связан с греческим Гефестом и стал покровителем металлообработки, в это время был лишь богом разрушительного, а не созидательного огня. Даже великий бог Юпитер, которому суждено было стать почти идентичным с именем и славой Рима, еще не был богом государства и политики, а всего лишь богом неба, особенно богом молний, Юпитером Феретрием, "нападающим", у которого было маленькое святилище на Капитолии, где позже должен был стоять великий капитолийский храм Юпитера Оптимуса Максима. Еще одна любопытная характеристика этой ранней эпохи, которая, как мне кажется, никогда не комментировалась, - необычайно ограниченное число богинь. Веста - единственная, кто, кажется, стоит сама по себе, без мужской параллели. Каждая из остальных - лишь контрастная потенция в паре, где мужчина гораздо более известен, и единственные из этих пар, кто когда-либо обретал ярко выраженную индивидуальность, делали это потому, что их культ впоследствии усиливался за счет того, что был связан с каким-то внеримским культом. Лучшей иллюстрацией последнего является Юнона. Мы можем пойти дальше и сказать, что весьма вероятно, что поклонение женским божествам в

основном ограничивалось женщинами общины, в то время как мужчины поклонялись богам. Это различие распространялось даже на жречество, где жена жреца бога была жрицей соответствующей богини. Такое положение дел вдвойне интересно в свете главенства женских божеств в раннем греческом мире, которое так ярко показала мисс Джейн Харрисон в своей недавней книге *"Прологомены к изучению греческой религии"*.

Самый важный вопрос, который можно задать практически любой религии, - это вопрос о ее экспансивной силе и способности адаптироваться к новым условиям. Общество неизбежно претерпевает изменения, и молодой социальный организм, если он нормальный, постоянно наращивает новые клетки. Возникают новые условия, на первый план выходят новые интересы. Кроме того, если рост происходит непрерывно, новый материал постоянно поглощается, и простой однородный характер старого общества полностью изменяется за счет притока чужеродных элементов. Именно это произошло в Древнем Риме, и именно потому, что древнеримская религия не была способна к органическому развитию изнутри, с ней произошли те любопытные вещи, о которых повествует наша история. Именно эти странные внешние вкрапления придают истории главный интерес, но в то же время они скрывают первоначальную форму настолько полно, что написание истории римской религии становится чрезвычайно трудным.

Однако не следует думать, что римская религия не смогла приспособиться к новой структуре общества с его контрастными классами и к новым коммерческим и политическим интересам, которые привлекали внимание высших классов, что она была абсолютно лишена внутри себя, в пределах своих собственных ограничений, определенной способности к развитию. В течение нескольких столетий после того, как на Рим начали оказывать влияние внешние факторы, его первоначальная религия продолжала развиваться наряду с новыми формами. То, как она развивалась, в полной мере свидетельствует об изначальном национальном характере римлян.

Мы видели, что с самого начала природа богов как сил, а не личностей, подчеркивала ценность и важность имени, которое обычно указывало на конкретную функцию или особенность каждого божества и очень часто было единственным, что о нем известно. Со временем, когда первоначальное имя божества стало восприниматься исключительно как имя собственное, не имеющее никакого значения, а не как обычное существительное, объясняющее природу бога, к которому оно было привязано, возникла необходимость добавить к первоначальному имени прилагательное, которое бы адекватно описывало бога и выполняло ту работу, которую изначальное выполняло имя само по себе. И по мере того как природа различных божеств усложнялась вместе с усложнением повседневной жизни, добавлялись новые прилагательные, каждое из которых выражало какую-то определенную фазу деятельности бога. Такое прилагательное называлось *когноменом* и часто имело очень большое значение, потому что стало ощущаться, что бог с одним прилагательным, *то есть* вызываемый для одной цели, почти не похож на того же бога с другим прилагательным, *то есть* вызываемого для другой цели. Таким образом, знание этих прилагательных было почти так же необходимо, как и знание имени бога. Следующий шаг в развитии был сделан очень легко. Эти важные прилагательные стали восприниматься как имеющие ценность и существование сами по себе, помимо бога, к которому они относились. Грамматическое изменение, сопровождавшее это психологическое движение, заключалось в превращении прилагательного в абстрактное существительное. И прилагательные, и абстрактные существительные выражают качество, но прилагательное находится в зависимости от существительного, в то время как абстрактное существительное независимо и самодостаточно. И таким образом, как в некоторых низших организмах группа клеток

отделяется и образует отдельный организм, так и в древнеримской религии некоторая фаза деятельности бога, выраженная прилагательным, отделялась вместе с прилагательным от своего первоначального источника и возникала сама по себе, превращая свое имя из зависимой прилагательной формы в независимое абстрактное существительное. Так Юппитер, которому поклонялись как богу доброй веры в делах людей друг с другом, богу, которым клялись под открытым небом, был обозначен как "Юппитер, охраняющий добрую веру", *Juppiter Fidius*. Однако в работе Юппитера было много других фаз, и поэтому прилагательное *fidius* стало очень важным средством отличия этой деятельности от всех остальных. В конце концов оно отделилось от Юппитера и образовало абстрактное существительное *Fides*, богиня доброй веры, где пол божества как богини полностью определялся грамматическим родом абстрактных существительных как женского.

Все это достаточно странно, но есть еще один шаг в развитии, еще более любопытный. Эта абстрактная богиня *Фидес* недолго оставалась в чисто абстрактной сфере; очень скоро ее начали снова конкретизировать, как Фидес этого конкретного человека или этой конкретной группы, как эту Фидес или ту, пока она не стала почти такой же конкретной, как сам Юппитер, и поэтому мы имеем множество различных *Фидес*, что, казалось бы, противоречит старому грамматическому правилу, согласно которому абстрактные существительные не имеют множественного числа. Теперь все это развитие в области религии проливает свет на характер римского ума и его инстинктивные методы мышления, и мы видим, почему римляне были очень великими юристами и очень посредственными философами. И право, и философия требуют способности к абстрактному мышлению; в обоих случаях существенные качества вещи должны быть отделены от самой вещи. Но в случае философской мысли эта абстракция, эти качества, не сразу стремятся к гвоздике. Они остаются абстракциями и не сразу спускаются на землю, тогда как для права такое спускание совершенно необходимо, поскольку юриспруденцию интересует не столько абстракция сама по себе, сколько абстракция, представленная в конкретных случаях. Таким образом, тип ума, которому было одинаково легко превращать конкретное в абстрактное, а затем превращать абстрактное в конкретное, - это в первую очередь юридический ум, и нет лучшего доказательства инстинктивной склонности римлян к законотворчеству, чем тот факт, что те же самые привычки ума, которые создавали законы, управляли и развитием их религии.

Однако, к сожалению, не эти абстрактные божества смогли спасти старую римскую религию. Они были всего лишь логическим результатом уже существовавших божеств, просто новым потомством старой породы. Они не представляли никаких новых интересов, а были лишь индивидуализацией определенных фаз старых божеств, фаз, которые присутствовали всегда и теперь лишь подчеркивались отдельным поклонением.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ СЕРВИЯ

Подобно высокому пику, возвышающемуся над туманом, покрывающим вершины более низких гор, фигура Сервия Туллия возвышается над полулегендарными Тарквиниями по обе стороны от него. Мы чувствуем, что имеем дело с настоящим историческим персонажем, и задаемся вопросом, каким человеком он был лично - чувство, которое не приходит нам в голову при виде Ромула и старших царей, и лишь слабое ощущение возникает при виде старшего Тарквина, тогда как младший Тарквин имеет все признаки деревянного человека, которого поставили только для того, чтобы сбросить, и *смысл существования* которого

заключается в том, чтобы объяснить переход от царства к республике теорией революции. Устраните революцию, предположите, что изменения были постепенными и конституционными, и вы можете отбросить гордого Тарквина, не потеряв ничего, кроме светской фигуры с ее более или менее аляповатыми атрибутами поздних мифов. Но с Сервием дело обстоит иначе; его стена и его конституция вполне реальны и не поддаются никаким попыткам превратить их создателя в легенду. Но, с другой стороны, мы должны быть начеку, потому что большая часть определенности, которая, кажется, придается ему, - это скорее определенность определенного этапа в развитии Рима, определенного четко ограниченного хронологического и социологического трактата. Опасно пытаться слишком строго ограничить личную роль Сервия в этом развитии; гораздо безопаснее, хотя, возможно, и менее увлекательно, использовать его имя в качестве общего термина для обозначения изменений, которые претерпел Рим с того времени, когда на него начали оказывать влияние иностранцы, до начала республики. Таким образом, он образует удобное название для определенных этапов развития Рима. Но даже это не совсем верно, поскольку Сервий обозначает не столько появление определенных фактов, сколько признание их существования. Сами факты росли медленно, охватывая, возможно, столетия, но действия, вытекающие из них, и внешние изменения в обществе происходили быстро и густо, и вполне возможно, что все они произошли в пределах жизни одного человека. Основой, на которой базировались все эти изменения, стало влияние внешнего мира на римскую общину. До этого времени Рим мало чем отличался от других горных общин Италии, которых в непосредственной близости от него было несколько десятков, и он был не единственным, кто вступил в контакт с внешним миром. Именно влияние, которое это влияние оказало на нее в отличие от ее соседей, и стало решающим фактором. Когда мы спрашиваем, почему это влияние повлияло на нее по-другому, мы не находим удовлетворительного ответа и оказываемся перед загадкой - древней неразрешимой загадкой превосходства одного племени или одного человека над другими, очевидно, принадлежащими к тому же классу. В политической истории принято рассказывать эту главу истории Рима под названием "Восстание плебеев", но присутствие плебеев было лишь внешним символом внутренних перемен. Эта перемена заключалась в разрушении однообразного одноклассового общества первобытной общины с его единственным сельскохозяйственным интересом и формировании пестрого многоклассового общества с разнообразными интересами, такими как торговля, ремесло и политика. Это было пробуждение Рима к жизни в мире после столетней буколической дремоты.

В это время в Италии существовали два народа, которые в силу своей более древней культуры могли стать учителями Рима. Один находился к северу от него - загадочные этруски, чья культура, к счастью для Рима, имела лишь очень умеренное влияние, потому что этрусская культура уже потеряла большую часть своей силы, возможно, также потому, что она отчетливо ощущалась как чужая, и поэтому не могла коварно проникнуть в Рим, и, вероятно, потому, что Рим в это время был слишком силен, молод и чист, чтобы перенять у Этрурии что-то, кроме самого лучшего. Другая часть лежала к югу - греческие колонии Магна-Грация, отделенные от Рима многими милями леса и враждебными племенами. Вокруг нее в Лациуме находились ее собственные ближайшие родственники, латины, быстро уступавшие ей, но способные оказать ей хотя бы эту услугу - впитывать чужеземные влияния, которые приходили, в некоторых случаях латинизировать их и таким образом передавать Риму в более или менее ассимилированном состоянии.

Три главных факта в жизни Рима в этот период - приход греческих купцов и греческой торговли с юга, приход этруских ремесленников и ремесел с севера, а также начало политического соперничества и постепенное возвышение Рима в лиге латинских городов

вокруг него. Каждое из этих движений нашло отражение в религиозных изменениях этого периода. Что касается первых двух, то это неудивительно, ведь древний путешественник, как и его мифический прототип Эней, носил своих богов с собой. Так, в Риме уединенно поклонялись богам всех народов, поселившимся в его стенах, и присутствию этих богов суждено было оказать свое влияние. Примитивный политеист очень католичен в своих религиозных вкусах; ведь когда у человека уже есть много богов, добавление еще нескольких - дело незначительное, особенно если, как это было в Риме, эти божества являются покровителями занятий и интересов, доселе совершенно неизвестных римлянину, а значит, не предусмотренных в его схеме богов. Поэтому не в духе нелояльности к уже существующим богам и не с желанием ввести конкурирующие божества, новые культы начали распространяться, пока не стали настолько важными, что потребовали государственного признания.

Возможно, наиболее интересными являются случаи с двумя богами, пришедшими с юга, Гераклом и Кастором, интересными потому, что они были предшественниками того великого множества греческих богов, которые позже пришли в Рим по специальному приглашению, и еще более интересными потому, что, хотя они были греками, какими только могут быть греки, Они пришли в Рим как бы инкогнито и были настолько далеки от того, чтобы быть известными как греки, что, когда те же самые боги пришли впоследствии более непосредственно, эти новоприбывшие считались совсем другими, и их поклонение совершалось в другой части города, вдали от старых устоявшихся культов.

В греческом мире Геракл и Гермес были особыми покровителями путешественников, а поскольку путешествия никогда не совершались ради удовольствия, а всегда по делу, они стали покровителями странствующих торговцев. Естественным было и то, что они отправлялись вместе с поселенцами из родного города в новую колонию. Так они пришли с родины в колонии Магна-Грация в Южной Италии и, закрепившись там, медленно, но неотвратимо продвигались на север. История Гермеса под именем Меркурия относится к более поздней главе, а вот история Геракла = Hercules должна быть рассказана здесь. Только в последние несколько лет ученый мир был убежден в том, что оригинального италийского Геракла не существует; на первый взгляд в это было очень трудно поверить, поскольку существовало так много, казалось бы, очень древних италийских легенд, в центре которых был Геракл. Но было доказано, что либо эти легенды никогда не существовали и основываются исключительно на ложной интерпретации памятников, либо, хотя они и существовали в ранние времена, они были привнесены под греческим влиянием. Таким образом, именно торговый купец привез Геракла на север. По мере продвижения бога его имя смягчилось до Геракла, а вместе с адаптацией имени к языку италийцев происходила и адаптация его природы к их потребностям, так что постепенно он стал полностью курсивным как по форме, так и по содержанию. Вполне вероятно, что культ появился в Риме, как и в других городах Лациума, но в Риме он был ограничен несколькими людьми и поначалу не получил общественного признания. Напротив, по причинам, которые мы не можем найти, этот греческий культ, похоже, достиг очень больших масштабов в маленьком городке Тибур (Тиволи), расположенном в четырнадцати милях к северо-востоку от Рима. Там он доминировал над всеми другими культами и настолько утратил свою иноземную атмосферу, что стал полностью латинизированным. Со временем римское государство признало тивурский культ Геркулеса и приняло его ветвь как свою собственную. Но самое необычное в этом признании то, что римляне чувствовали, что это латинский, а не чужой культ. Они продемонстрировали это близкое и дружеское чувство, разрешив воздвигнуть алтарь Гераклу в самом городе, на форуме Боария. Но для того чтобы понять значение этого акта, необходимо сделать небольшое отступление.

При старом римском режиме каждый жизненный акт совершался под наблюдением богов, и это божественное покровительство особенно подчеркивалось в актах, которые влияли на жизнь общества. Ни один акт не имел для общины большего значения, чем выбор дома, места для поселения. Поэтому основание древнего города сопровождалось священными обрядами, главным из которых было вспахивание борозды вокруг пространства, которое в конечном итоге должно было быть огорожено стеной. Эта борозда образовывала символическую стену по тому же принципу, по которому ведьма чертит свой круг. Борозду называли *помериум*, и она была для мира богов тем же, чем городская стена была для мира людей. Однако она не всегда совпадала с реальной городской стеной, и пространство, которое она охватывала, иногда было меньше, иногда больше, чем то, которое охватывала городская стена; и так же, как для города могли быть построены новые стены, охватывающие большую территорию, так же могла быть проведена новая линия *pomerium*. Как и положено духовному барьеру, его нечем было обозначить, кроме пограничных камней, через которые проходила воображаемая линия. Стена, которую построил Сервий и которая оставалась внешней стеной Рима в течение восьми или девятисот лет до третьего христианского века, в момент своего возведения совпадала в основном с линией *помериума*, за одним очень важным исключением: вся область Авентина, которая находилась в пределах политического города и была охвачена Сервиевой стеной, лежала вне линии *помериума* и, другими словами, вне религиозного города. Так продолжалось на протяжении всей республики и империи вплоть до правления Клавдия. Первоначально линия *pomerium* играла важную роль в религиозном мире и продолжала играть ее до середины республики, во время Второй Пунической войны, когда ее святость была разрушена и она потеряла свое реальное религиозное значение, хотя и осталась как формальный институт. Как божественный барьер он изначально служил в мире богов примерно той же цели, что и каменная стена в мире людей. До того, как для римлян начала существовать проблема чужих богов, в старые добрые времена, когда они знали только богов своей собственной религии, *помериум* служил для того, чтобы держать в пределах Рима всех благодетельных добрых богов, чье присутствие не требовалось снаружи на полях, и он служил не менее важной цели, чтобы держать за пределами Рима богов, которых боялись, а не любили, например, грозного бога войны Марса. Когда в Рим стали ввозить чужеземных богов, им, конечно, могли поклоняться внутри *помериума* частные лица, но когда государство признало их, было разумнее, чтобы поклонение им происходило за священной стеной. Так сложилось, что чужеземным богам, принятым в культ римского государства, были поставлены храмы в *Campus Martius* или на Авентине, а два или три случая, когда им публично поклонялись внутри *помериума*, не являются настоящим исключением из этого правила - такое исключение было бы, по сути, совершенно немыслимым в строго логичной системе римского культа - но эти боги были допущены внутрь, потому что пришли в Рим от его родственников, латинян, и не считались чужеземными.

Геракл - один из примеров в этой последней категории. Хотя изначально, как мы видели, он был греческим богом, долгое проживание в Тибуре (Тиволи) сделало его как бы натурализованным гражданином Лациума, и поэтому Рим не считал неуместным принять его в свой *помериум*. Сначала его поклонением занимались два клана, Потии и Пинарии, но позже, во времена республики, контроль над ним перешел к государству. Но хотя это был действительно греческий Геракл, пришедший в качестве латинизированного Геркулеса, бог заплатил определенную цену за свой вход, поскольку он пришел лишенный всех различных атрибутов, которые у него были в Греции, и сохранил только свою функцию покровителя торговли и путешествий. Именно эта практическая сторона его натуры и привлекала римлян; она нашла свое выражение в приношении "десятой части" на большом алтаре в Форуме Боария. Этот алтарь всегда оставался в определенном смысле центром поклонения Гераклу

в Риме. В ранние времена он был усилен не менее чем тремя храмами Геракла в более или менее непосредственной близости от него, и все они отличались той же относительной простотой ритуала. Спустя столетия Геракл стал известен римлянам по прямым греческим каналам, и было признано, что этот новый Геракл был сродни старому Гераклу, поэтому его тоже стали называть Гераклом. Для римлян в этом не было ничего удивительного, поскольку они считали само собой разумеющимся, что каждому греческому божеству должна быть найдена параллель среди их собственных богов. Они никогда не понимали истинного положения вещей; сомнительно, что они вообще могли его понять: а именно, что почти во всех других своих отождествлениях римских и греческих богов они на самом деле делали насилие над своими родными богами, накладывая на них атрибуты божества, с которым у них на самом деле не было ничего общего, тогда как, отождествляя нового Геракла со своим старым Гераклом, они поступали совершенно законно. Для того, кто знает истинное положение вещей, есть нечто патетически забавное в том, что они действительно проявили больше деликатности, превратив своего старого (действительно изначально греческого) Геракла в нового греческого Геракла-Геркулеса, чем при объединении Нептуна и Посейдона, Марса и Ареса, Дианы и Артемиды. На самом деле они всегда почитали старый культ большого алтаря и никогда не позволяли практиковать там более сенсационные фазы греческого культа, а храмы, построенные Гераклу под различными новыми атрибутами, которые принес с собой новый греческий культ, были отнесены в другой квартал. Эти храмы были размещены, как и положено, за пределами *помериума*, в южной части Campus Martius.

Но если вернуться к простому Гераклу и режиму Сервия, то теперь римское государство получило божество, в котором, благодаря заразе торговли, оно уже чувствовало потребность, бога великой силы, от которого исходил успех в практических жизненных начинаниях. Поэтому он прочно закрепился за римлянами, чья практическая сторона жизни переживала бурное развитие. Идея торговли теперь была представлена в религиозном мире, она получила божественную санкцию.

Другим богом, пришедшим из Магна-Греции, чье официальное принятие в государственный культ стало одним из самых ранних инцидентов в распаде старой сельскохозяйственной религии, был Кастор со своим братом-близнецом Поллуксом, хотя брат Поллукс всегда был незначительным партнером, настолько, что храм, который был впоследствии построен для них обоих, назывался либо храмом одного Кастора, либо храмом "Касторов". В различных местах древнегреческого мира мы встречаем пару братьев, которые сначала не обозначались индивидуальными именами, а просто назывались парой. Даже эти парные имена не совпадают, но все они отражают одну и ту же идею. Позже, когда вместо общего парного имени появляются индивидуальные, эти индивидуальные имена также различаются. Это боги защиты, и на морском побережье - а большая часть Греции является морским побережьем - они особенно полезны как спасатели от морских опасностей, а также очень рано и почти повсеместно связаны с лошадьми. Но, несмотря на свою полезность, они не слишком известны, и вряд ли когда-нибудь стали бы знаменитыми, если бы не одна из тех маленьких случайностей, которые вершат судьбы как богов, так и людей. Так случилось, что лошади стали использоваться в военных действиях не только для запряжки колесниц; возникла примитивная кавалерия, созданная путем посадки тяжелооруженных пешеходов на лошадей. С этой конницей "братья-близнецы" (*Dios-kouroi* = "сыновья Зевса"), особенно Кастор, заняли видное место. Как греческие купцы брали с собой Геракла, когда отправлялись основывать колонии в Южной Италии, так и тяжелооруженные всадники брали с собой своего бога Кастора, куда бы они ни отправлялись. Итальянские племена, в свою очередь, быстро подхватили эту идею кавалерии, а вместе с ней и ее божественного покровителя Кастора. Таким образом, культ Кастора неуклонно продвигался на север,

переносимый, так сказать, на лошадях. Наконец он достиг Лациума, и там маленький городок Тускулум, впоследствии столь известный как резиденция Цицерона, каким-то непостижимым образом стал важным центром культа и сделал для Кастора то, что Тибур сделал для Геракла, то *есть* латинизировал его, так что Рим принял его не как чужака, а как одного из своих родственников. Можно не сомневаться, что римский культ действительно пришел из Тускулума, и что его внедрение в Рим, как и все остальные шаги на этом пути, было связано с реорганизацией кавалерии. Из этого следует, что Тускулум славился своей кавалерией и что Рим перенял идею ее создания от нее - утверждения, которые мы, к сожалению, не имеем других подтверждений, хотя у нас есть множество доказательств существования культа в Тускулуме и тесной связи Рима с ним.

Таким образом, Кастор был покровителем "всадников" (*equites*), а его великим днем было 15 июля, когда проходил парад всадников. Возможно, в этот день проходил праздник в Тускулуме, особенно подходящий потому, что это были иды месяца, а иды были священны для Юпитера, чьими сыновьями должны были быть Кастор и Поллукс (*Dios-kouroi*). В свете этих знаний об истинном положении дел чрезвычайно интересно посмотреть, как впоследствии легенда объяснила появление Кастора и Поллукса. Это был инцидент в мифической войне, которая должна была произойти после изгнания последнего Тарквина и основания республики. Противники Рима, союзники Тарквина, в частности Октавий Мамилий из Тускулума, сразились с римлянами в битве у озера Регилл 15 июля 499 года до н.э. Римляне победили, и первая весть о победе была принесена в Рим чудесным появлением Кастора и Поллукса, которых видели поливающими своих лошадей на Форуме у источника Ютурны. На этом месте был заложен храм, который через пятнадцать лет, в 484 году до н. э., был достроен и посвящен. Тускулум, 15 июля и посвящение храма в 484 году до н. э., похоже, являются единственными историческими фактами в этой легенде; задолго до 499 года до н. э. Кастору поклонялись в Риме, особенно 15 июля. Местом его первоначального поклонения, несомненно, была та же самая местность на Форуме, где впоследствии был построен его храм, так как это почти неизменное правило, что самые ранние храмы строятся на месте или рядом со старым алтарем или святилищем, которое предшествовало официальному храму. Поэтому, как и Геракл, он был принят внутри *romerium*, и, вероятно, по той же причине, поскольку считалось, что он был богом Тускулума, а значит, и богом родственного Рима. Дополнительное подтверждение этому чувству мы находим в том, как относились к более позднему прямому культу Кастора. Этот культ, связывающий Кастора с исцелением и толкованием снов, и подчеркивающий его функцию спасителя от морских опасностей, был бы лишен смысла для старых римлян, которые поклонялись ему только как покровителю всадников и конного спорта. Новые идеи, по-видимому, имели своим центром более поздний храм в Цирке Фламиния, и поэтому Геракл и Кастор могут быть снова запараллелены, поскольку каждый из них имеет старый культовый центр внутри *помериума*, Геракл - в Форуме Боария, Кастор - в Форуме, и более поздний культовый центр, для более продвинутых идей, в каждом случае в Цирке Фламиния.

Хотя именно греческое влияние в конечном итоге привело к разрушению римской религии, и хотя культы Геракла и Кастора являются первыми определенными последствиями этого влияния, нельзя сказать, что разрушение в каком-то смысле началось, потому что за время своего медленного путешествия на север и долгого пребывания в Тибуре и Тускулуме, соответственно, эти два культа утратили все, что было пагубным. Римский инстинкт, почувствовавший их сродство с собой, не помешал; они действительно были сродни новому Риму с его новым интересом к торговле и возросшим интересом к войне, ведь торговец и воин шли бок о бок во все века мировой истории, будь то примитивный инстинкт захвата

территории для коммерческих целей или более цивилизованное стремление получить открытый порт.

Зачатки греческого влияния проявились в случае с Гераклом и Кастором, осталось выяснить, что сделала Этрурия. Нет такой расы, о которой мы знали бы так много и в то же время так мало, как об этрусках. Они всегда были и остаются загадкой, и по мере расширения наших знаний о них мы, кажется, как никогда далеки от ее решения, а то, что мы получаем в виде положительных знаний, с лихвой компенсируется растущим чувством нашего невежества. Совершенно отдельно от проблемы происхождения этрусков и расы, к которой они принадлежали, стоит другая проблема - их исчезновения. В определенном смысле Этрурия уходит из истории так же таинственно, как и вошла в нее, а может быть, даже более таинственно, ведь мы всегда готовы допустить определенный процент загадочности как законное сопровождение доисторической истории, но когда в свете более или менее исторических времен народ уходит со сцены мировой истории, не оставляя после себя практически никакого наследия, мы вправе удивляться. Из всех народов Италии Рим в порядке событий должен был стать ее преемником, и все же, когда мы сравниваем влияние Этрурии на Рим с влиянием греческих колоний Южной Италии, мы видим удивительную разницу. Влияние этих греческих колоний на Рим подготовило почву для прямого влияния греческой родины, так что одно перешло в другое незаметными градациями, но влияние Этрурии на Рим не только ни к чему не привело, но и само по себе было самым поверхностным. В Этрурии наверняка была литература, но мы тщетно ищем в истории римской литературы следы ее влияния на Рим, за единственным исключением - книг о гаданиях и толковании молний. Мы слишком мало знаем о ее нравах и обычаях, чтобы точно сказать, насколько сильно они могли повлиять на Рим, и все же стоит отметить, что те вещи, которые римские писатели действительно относят к Этрурии, все они самые поверхностные: Несколько знаков отличия политических должностей; несколько атрибутов одного или двух ритуальных действий; ветвь гадания по внутренностям (*haruspicina*), которая имела второстепенное значение по сравнению с предсказаниями; и самая развращенная форма римского общественного спорта - гладиаторские игры. Единственный основополагающий институт Рима, который принято приписывать Этрурии, - идея так называемого *templum* или деления неба на области как аксиома авгура, - кажется, был настолько же общеталийской, насколько и специфически этрусской идеей. Даже в искусстве ее влияние было относительно небольшим, и хотя ее архитекторы, похоже, построили самые ранние формальные храмы для Рима, их вскоре сменили греки. Мы тщетно ищем полное и удовлетворительное объяснение этой ограниченности ее влияния, но некоторые соображения наводят на мысль, которая, насколько это возможно, верна. Все, что мы знаем об Этрурии, впечатляет нас тем, что ее цивилизация была внешней, не сопровождаемой внутренней культурой, что это был формальный, а не духовный рост, искусственное приобретение извне, а не развитие изнутри вовне. Она была сильной, но сила сопровождалась жестокостью, она интересовалась искусством, но скорее для его чувственных, чем для духовных аспектов. Сейчас идеализм молодости присутствует в нациях так же, как и в индивидуумах, хотя, возможно, нация осознает его в меньшей степени, чем индивидуум. В нации он является одним из следствий инстинкта самосохранения, и для молодой нации впитывать пороки старой упадочной нации означало бы самоуничтожение. Так молодой Рим отверг большую часть этрусского яда, и таким образом природа очистилась, а Этрурия была погребена в яме собственных мерзостей.

Однако был один город, который выступал в роли переводчика между Римом и Этрурией и был первоначальным центром культа очень великой богини, распространявшей свой культ в обоих направлениях, в Рим и в Этрурию. Городом был Фалерий, а богиней - Минерва, которая

в определенном смысле трижды входила в Рим: один раз прямо из Фалерия в Рим, другой раз из Фалерия в Рим через Этрурию, и наконец, когда Фалерий был захвачен римлянами, снова прямо в Рим. В самый ранний период почти не осталось следов поклонения Минерве в Лациуме или Южной Италии, и мы абсолютно уверены, что она не была известна в Риме. Однако в странах к северу от Рима ситуация иная, там она встречается довольно часто, особенно в Этрурии под именем Менерва или Менрва. Однако она не могла быть этрусской богиней, потому что само имя итальянское, а не этрусское. Поэтому она не является ни римлянкой, ни этрусской, ни латинкой, по крайней мере, насколько мы знаем латынь в Лациуме. Однако если нам удастся найти место, где латинский народ находится под сильным этрусским влиянием, мы будем близки к разгадке. Таким местом является Фалерия, в стране фалисков. Древним он казался настолько этрусским, что они из кожи вон лезли, чтобы объяснить, что это не так. На самом деле это был единственный латинский город на правом берегу Тибра, и благодаря своему местоположению он был рано введен в жизненно важную связь с этрусками, настолько важную, что хотя он никогда не терял полностью свой первоначальный латинский характер, он потерял его достаточно, чтобы оказывать очень значительное прямое влияние на Этрурию и в очень большой степени подвергаться ее влиянию. Мы, конечно, не можем положительно доказать, что Минерве первоначально поклонялись только в Фалерии и что ее культ распространился исключительно из этой единственной точки, но у нас есть, по крайней мере, убедительные отрицательные доказательства, а с точки зрения общей истории древней религии в таком распространении нет ничего невозможного. Религиозная история показывает множество параллелей с этим; например, классический случай с богом Эросом из Феспии в Беотии, который жил бы и умер просто маленьким незначительным местным богом, если бы не беотийский поэт Гесиод, который принял Эроса в свою поэзию и тем самым дал ему начало жизни, благодаря которому он в конечном итоге смог распространиться по всему греческому миру, а затем перейти в Рим как Купидон; и так во все последующие времена.

Мы привыкли считать Минерву латинским именем Афины, дочери Зевса, и бессознательно облачаем Минерву всей славой Афины и наделяем ее многогранностью Афины. На самом деле маленькая крестьянская богиня из Фалерии изначально не имела с Афиной ничего общего, кроме того, что обе они интересовались ремеслом и ремесленником, но у Афины была еще сотня других интересов, в то время как Минерве, похоже, хватало одного. Когда Минерва отправилась в путешествие по Этрурии, она оказалась среди людей, которые со временем узнали из произведений греческого искусства очень многое из греческой мифологии и, услышав об Афине, увидели ее сходство с Минервой и стали ассоциировать их между собой. Но даже в этой ассоциации Минерва все равно оставалась в первую очередь богиней ремесленника и трудяги, она была покровительницей дел рук человека, а не его ума, и в таком виде ее привезли в Рим этрусские и фалисские рабочие. Сначала ей поклонялись только эти рабочие в своих домах, но постепенно, по мере увеличения числа этих рабочих и распространения знаний об их ремесле среди коренных римлян, Минерва стала настолько заметной, что государство было вынуждено признать ее и принять в число государственных богов. Но это было совсем другое признание, чем признание Геркулеса или Кастора; эти боги были приняты внутри *помериума*, а Минерве был отведен храм снаружи, на Авентине. Тем не менее ее культ процветал, и вскоре ее власть проявилась как в религиозном, так и в социальном плане. Ее великий праздник приходился на 19 марта, день, который первоначально был священным для Марса, но присутствие празднований Минервы в этот день вскоре привело к тому, что ассоциации с Марсом были почти полностью забыты. В социальном плане ее храм стал местом встречи всех ремесленников Рима, он был одновременно и их религиозным центром, и их деловым штабом. Там они собирались в свои примитивные гильдии (*коллегии*) и устраивали свои дела, и так продолжалось до тех пор,

пока существовал языческий Рим. О том, с каким уважением относились к гильдиям Минервы, можно судить по одному инциденту, произошедшему во время Второй Пунической войны, через несколько веков после введения культа. Напуганный дурными предзнаменованиями римский сенат поручил старому поэту Ливию Андронику написать гимн в честь Юноны и подготовить хор из юношей и девушек для его исполнения. Гимн был исполнен и имел такой большой успех, что благодарность сената выразилась в разрешении поэтам города иметь собственную гильдию и место для собраний наряду со старыми гильдиями в храме Минервы на Авентине. Это было первое выражение признательности римского государства за литературную деятельность; с ее точки зрения, это была настоящая лесть, ведь разве поэты не были приравнены этим указом к мясникам, пекарям и суконщикам, разве поэзия не была признана полезной на практике и не была признана законным занятием?

История культа Минервы гораздо сложнее, чем история культа Геракла или Кастора. Как и они, она подверглась сильному греческому влиянию, и, как мы увидим позже, вскоре после своего появления она была принята в компанию Юпитера и Юноны, образовав таким образом знаменитую капитолийскую триаду. Ей также были построены храмы по отдельности под различными аспектами поклонения Афине, с которой она постепенно отождествлялась, но в старом Авентинском храме первоначальная идея Минервы, подруги рабочего человека, осталась практически неизменной. Несомненно, общество времен Сервия, ставшее свидетелем появления Минервы, не понимало, что означает это появление, и как абсолютно необходимо для будущего развития Рима, чтобы среди его жителей был класс ремесленников, и чтобы этот класс был представлен в мире богов. Они мало знали, что в храме на Авентине воплощалась идея профсоюза, которая должна была перейти в средневековые гильдии рабочих и мастеров, все еще под религиозной эгидой, и найти современную пародию в современном профсоюзе рабочих, с его духом враждебности к работодателям и безразличием, по крайней мере, как организации, к религиозным вещам.

Таким образом, торговля и ремесло добавились к римскому миру людей на земле и богов над землей, и нам остается рассмотреть пробуждение политического духа и соответствующий ему религиозный феномен; но прежде чем мы сделаем это, мы должны расчистить путь, отбросив одну древнюю гипотезу, связанную с религиозными реформами Сервия, которая не верна, по крайней мере, в том смысле, в каком ее имели в виду древние.

Изложение раннего периода истории Рима иногда скорее затрудняется, чем помогает, благодаря высказываниям обычно благонамеренных, но часто заблуждающихся историков более позднего времени. Их реальное знание фактов во многих случаях было не больше, чем наше, и им не хватало того, чем обладают современные историки: широты взгляда и знания явлений истории во многих периодах и среди многих народов. Изучение социальных и религиозных движений при Сервии представляет нам интересную иллюстрацию этого. Именно Сервию Туллию было принято приписывать введение культа Фортуны, и Плутарх дважды в своих *"Моралиях"* пользуется случаем, чтобы описать интерес Сервия к этому культу и рассказать о необычайном количестве храмов, которые он построил великой богине случая под ее различными атрибутами. Римляне времен Плутарха думали о Фортуне совсем не так, как описывали ее поэты, особенно Гораций, - как о великой и могущественной богине случая, олицетворении элемента явного каприза, который, похоже, присутствует в управлении вселенной. Это очень похоже на наше представление о ней, и, конечно, и наша концепция, и более поздняя римская концепция восходят к Греции. Но Греция не всегда имела такое представление о богине удачи. Более древняя и чистая эпоха греческой мысли

была пронизана идеей абсолютной неизменности божественной воли, верой, которая исключала возможность случайности или каприза. Древнейшая греческая Тихе (Фортуна) была дочерью Зевса, исполнявшей его волю; а о том, что его воля через нее часто была благодетельной, свидетельствует тенденция считать ее богиней изобилия. Только рост скептицизма, неспособность веры выстоять перед противоречивыми уроками опыта привели к появлению в александрийскую эпоху Тихе, богини случая, крылатого капризного божества, сидящего на шаре. Именно эта привычка мыслить в конечном итоге дала римлянам то представление о Фортуне, которое стало нашим представлением, потому что оно преобладает в римской литературе и жизни в те периоды, с которыми мы наиболее хорошо знакомы. Если думать о Фортуне именно так, то очень легко связать ее с Сервием Туллем, ведь легендарные рассказы о карьере Сервия представляют его как дитя "фортуны", вознесенное из самого низкого сословия к высшей власти, маленького мальчика-раба, ставшего царем. Какую богиню он мог бы чтить, если не богиню счастливого случая, сделавшего его тем, кем он был?

Все это очень красиво, но, к сожалению, совершенно невозможно, потому что каким бы ни было время, когда Фортуне начали поклоняться в Риме, несомненно, что идея случайности вошла в ее представление только спустя долгое время после времен Сервия. Вместо этого ранняя Фортуна была богиней изобилия и плодородия, среди людей - покровительницей женщин и родов, среди посевов и стад - богиней плодородия и плодовитости. Ее полное имя, вероятно, было Форс Фортуна, имя, сохранившееся в двух старых храмах за рекой от самого Рима, в Трастевере, где ей поклонялись крестьяне от имени урожая. Таким образом, Фортуна - это всего лишь культовое имя, добавленное к старой богине Форс для усиления ее значения, которое в конце концов отделилось от нее и стало самостоятельным, выражая ту же идею богини изобилия. Позднее под греческим влиянием понятие удачи, особенно удачи, постепенно вытеснило более древнюю идею. Возможность такого перехода от плодородия к удаче демонстрирует нам фраза "*arbor felix*", которая первоначально означала плодовитое дерево, а затем дерево добрых предзнаменований. Что касается Фортуны и Сервия, то нет никаких причин, по которым они должны были быть связаны, и когда бы Фортуна ни начала свое существование, будь то до или после Сервия, она пришла в мир как богиня изобилия и превратилась в богиню удачи только спустя столетия после своего рождения.

Не следует думать, что Рим в шестом веке до Рождества Христова мог принять в себя всех этих торговцев и ремесленников, заинтересовать своих граждан в этих новых занятиях, не получив при этом соответствующего импульса к более широкой политической жизни. Так началось то все возрастающее участие в делах Латинской лиги, которое стало ее первым шагом к обретению мирового господства. Вероятно, Рим всегда принадлежал к этой лиге, но сначала как очень незначительный член. Это были времена, когда Альба-Лонга была лидером, лидерство, которое она впоследствии утратила, но воспоминания о котором сохранились, потому что Альбанская гора за Альба-Лонгой оставалась культовым центром, связанным с поклонением богу лиги, Юпитеру латинян (*Juppiter Latiaris*), не только до 338 года до н. э., когда лига прекратила свое существование, но и позже, когда Рим продолжал сентиментально отмечать старый праздник. Со временем, по неизвестным нам причинам, власть Альба-Лонги ослабла, и мантию ее верховенства передали Арицию, маленькому городку, все еще существующему недалеко от Альбано. Приход Ариция к руководству лигой положил начало религиозному движению, которое является одним из самых необычных в измученной истории римской религии. Конечным результатом этого движения стало введение богини Дианы в государственный культ Рима, где она впоследствии была

отождествлена с сестрой Аполлона Артемидой. Но это долгая история, и чтобы понять ее, мы должны вернуться на некоторое расстояние назад, чтобы положить ей начало.

Среди диких племен и в диких горных районах Греции и Италии поклонялись богине, которая в каждой стране носила свое имя: Артемида в Греции, Диана в Италии, но по своей природе была очень похожа. Это не означает, что изначально это была одна и та же богиня или что ранняя Артемида Греции оказала какое-то влияние на Диану Италии. Их сходство, вероятно, было вызвано лишь сходством условий, из которых они возникли, сходством потребностей двух народов. Она была богиней леса, природы и особенно диких животных, покровительницей охоты и егерьей, а также богиней всех мелких животных, всех беспомощных малышей и помощницей тех, кто их вынашивал, следовательно, богиней рождения, а в сфере человечества - богиней женщин и деторождения. Позже в Греции Артемида была поглощена морским культом Аполлона на острове Делос, где она стала сестрой Аполлона, как и он, ребенком Латоны; но Диана, естественно, не претерпела подобных изменений, пока в Риме, спустя столетия, ее искусственно не отождествили с Артемидой. В самые ранние времена в Италии было два места, где культ Дианы был особенно заметен, оба, как и следовало ожидать, в лесистых горных районах: одно на горе Тифата (около Капуи), современный Сант-Анджело-ин-Формис; другое в Лациуме, в роще около Арикии. Именно с этим последним культовым центром мы и будем иметь дело. Роща близ Ариция стала настолько знаменитой, что богиня, которой там поклонялись, была известна как "Диана из рощи" (Diana Nemorensis), а место, где ей поклонялись, называлось "роща" (*nemus*), название, которое до сих пор сохранилось в современном Неми. Она была богиней леса, животного мира, рождения и женщин; почти все посвятельные надписи, которые были найдены рядом с ее святилищем, были сделаны женщинами. Ей поклонялись прежде всего жители Арикии, и, похоже, она была божеством-покровителем города. Когда Арицию выпало стать главой лиги, ее богиня Диана сразу же заняла в ней важное положение, но не потому, что по природе своей имела какое-либо политическое значение, а лишь потому, что была замужем за Арицием и переживала все превратности его карьеры. Так в лиге появилась, наряду со старой Юпитер Латиарис с Альбанской горы, новая Диана Неморенсис из Ариция, и жертвоприношения ей стали частью торжественного ритуала объединенных городов Лациума. Религиозному обычаю не требуется много лет, чтобы обрести святость, и не прошло и нескольких поколений, как Диана стала такой же оригинальной и важной частью культа лиги, как и сам Юпитер. В течение этих же столетий значение и влияние Рима в Лиге росли, и вместо того, чтобы быть одним из незначительных городов, он вполне мог стать ее президентом. Здесь ей на помощь пришла ее дипломатия. Лига, конечно, была, по сути, политическим институтом, но в примитивном обществе политические институты все еще находятся под опекой религиозных, и прямой путь к сильному политическому влиянию лежит через религиозное рвение. Путь к лидерству в Латинской лиге лежал через чрезмерную преданность Юпитеру и Диане. Поэтому не случайно в период Сервия в Риме возводится храм Юпитеру Латиарису на вершине горы Альбан, а также вводится поклонение Диане в Риме - ей строится храм на Авентине, то есть за пределами *помера*. Однако это было не введение ее культа в качестве обычного государственного культа, поскольку тогда она была бы принята в *помериум* с гораздо большим правом, чем Геракл и Кастор. Напротив, это было строительство святилища лиги за пределами *помериума*, но внутри гражданской стены; не принятие Дианы как римской богини, а тесная связь Дианы латинской лиги с Римом. Это была попытка поставить Рим как в религиозном, так и в политическом плане в то положение, которое занимала Ариция; и она увенчалась успехом. Диана по-прежнему оставалась богиней лиги; по преданию, лига помогла построить храм, а день посвящения храма, 13 августа, совпал с днем посвящения храма в Неми. Таким образом, римский храм находился за пределами *помериума* не потому,

что она была иностранной богиней, как Минерва, а потому, что как богиня Лиги она должна была находиться за пределами, а не внутри священной стены Рима.

Диана была введена с определенной целью, как часть дипломатической игры, а не потому, что Рим испытывал в ней реальную религиозную потребность; поэтому вряд ли стоит ожидать, что ее дальнейшая карьера в Риме будет иметь какое-то большое значение. Естественно, когда государство взяло на себя ответственность за культ, этот культ был обеспечен до тех пор, пока существовал языческий Рим, поскольку государство всегда было верным, по крайней мере, в механическом исполнении ритуальных действий; но на народный интерес рассчитывать не приходилось, тем более что многие вещи, за которые выступала Диана, например, ее отношение к женщинам, были умело представлены Юноной. Вряд ли Диана когда-нибудь стала бы играть важную роль в религии последующего времени, если бы не еще одна случайность, которая поддерживала интерес к Диане, так же как вначале этот интерес вызвала случайность связи Дианы с Латинской лигой. Это было пришествие Аполлона и его сестры Артемиды. Аполлон пришел первым, вероятно, во времена Сервия, но Артемида, похоже, появилась гораздо позже, не ранее 431 года до нашей эры. Ее отождествление с Дианой было неизбежным, и с этого времени Диана начинает новую жизнь со всеми атрибутами и мифами Артемиды, но эта новая Артемида-Диана была такой же отличной богиней от старой Авентинской Дианы, как новая Афина-Минерва от старой Авентинской Минервы.

Политический интерес римлян пробудился, они нашли дело своей жизни, перед ними открывалась карьера, и не следует думать, что рефлекторное воздействие этого нового политического духа на религиозный мир ограничилось строительством двух храмов Лиги, одного Юпитеру Латиарису на Альбанской горе, за много миль от Рима, и одного Диане за пределами *помериума* в лесах Авентина. Этот политический интерес был не искусственным приобретением, а неизбежным проявлением инстинкта. Поэтому он должен был найти свое представительство внутри города, в связи с божеством, которое уже было глубоко в сердцах людей. Этим божеством мог быть не кто иной, как небесный отец Юппитер, который был рядом с ними в старые времена их исключительно фермерской жизни, посылая им солнечный свет и дождь в надлежащее время. На Капитолии ему поклонялись как *Феретрию*, "нападающему", в его самом страшном атрибуте - бога молний. Ему приписывались самые богатые военные трофеи (*spolia opima*), и ему же благодарили завоевателя, когда он возвращался из боя. Именно этот Юппитер с Капитолия был избран божественным представителем политических амбиций Рима; уверенность в будущем и предзнаменование неизбежного успеха заключались в культовых именах, *cognomina*, которыми отныне и навсегда был украшен этот Юппитер: *Juppiter Optimus Maximus*. Эти прилагательные - не просто пустой орнамент, не просто приятная фразеология; они выражают не просто превосходство юппитера Рима, но его абсолютное превосходство над всеми другими юппитерами, включая юппитера Латиариса. И вот, пока Рим одной рукой строил храм для Лиги на Альбанской горе, просто как член Лиги, другой рукой он строил в сердце своего города храм богу, который должен был подчинить себе всех других богов, осмелившихся оспаривать его главенство, так же как город, воздающий ему почести, должен был победить все другие города, отказавшиеся признать ее. Отныне Юпитер Оптимус Максимус олицетворяет все истинно римское в Риме. Именно под его знаменем проходили сражения, именно ему во все времена воздавали должное возвращающиеся генералы.

Традиция относит завершение строительства Капитолийского храма к первому году республики, но идея и фактическое начало работ относятся к позднему царству и, следовательно, к нашему современному периоду, и созерцание его является подходящим

завершением того развития, которое мы пытались обрисовать. И теперь, когда эта часть нашей работы завершена, нелишне спросить себя, что же мы увидели, ведь было так много окольных путей, которые мы по необходимости исследовали, что главная дорога, по которой мы шли, может быть не вполне отчетливой в нашем сознании. В период, который соответствует позднему царству и приблизительно шестому веку до Рождества Христова и который мы для удобства называли "сервийским", мы наблюдали, как примитивная пастушеская община, изолированная от жизни мира, превращается в небольшой город-государство с политическими интересами, зачатками торговли и ремесел и различными соперничающими социальными классами; и мы видели, как с приходом этих внешних интересов появились различные новые культы, связанные с ними, большинство из которых подразумевали совершенно новые божества, и только один или два из них - новые стороны старых божеств. Тело старой римской религии получило первые удары; то, что Тацит (*Hist. i. 4*) говорит о падении империи - "Тогда был раскрыт секрет империи, что правителя можно было назначать не в Риме, а в другом месте", - верно и для римской религии в этот период, когда было обнаружено, что государство может принимать в себя божества извне Рима. И все же, хотя сам принцип был фатальным, практика его применения до сих пор не приносила особого вреда. Рост Рима был неизбежен, и столь же неизбежно эти новые интересы должны были быть представлены в мире богов; старых богов не хватало, поэтому были введены новые. Но боги, введенные до сих пор, были безвредны; Геркулес, Кастор, Минерва, Диана не нанесли Риму никакого вреда сами по себе, не повредили его национальной морали, не снизили тон серьезной трезвости, характерной для старого режима.

Пока все было хорошо, и хорошо было бы для Рима, если бы он мог сейчас закрыть ворота своего Олимпа. То, чего не давала старая религия, теперь было в наличии. Политика, торговля и искусство были представлены. Этим она была обеспечена с избытком для всей своей будущей карьеры. Но этому не суждено было сбыться, ворота были еще открыты, и разрушительное влияние Греции вскоре должно было принести с собой множество новых божеств, которым суждено было не только одолеть старых римских богов - что само по себе можно было бы простить, - но и вытравить старые римские добродетели, для поддержания которых была необходима атмосфера этих старых богов. Предвестник этого влияния был сам по себе достаточно невинен, это был Аполлон, и именно к его появлению и последующим событиям, которые поставили его в явную оппозицию Юпитеру Оптимусу Максимуму, мы сейчас и обратимся.

ПРИШЕСТВИЕ СИВИЛЛЫ

Рим первых консулов сильно отличался от Рима предыдущих царей. Население не только было больше, но и социально разделено на различные классы. Простая патриархальная одноклассовая община превратилась в сложную структуру общества, в котором присутствовали практически все элементы и интересы, кроме сугубо интеллектуальных, составляющие то, что мы называем обществом в современном смысле слова. Мир богов также увеличился в численности населения, и там тоже существовало небольшое социальное различие между старыми богами (*Индигетами*) и новоприбывшими (*Новенсидами*), хотя можно сомневаться, насколько сильно это различие ощущалось. Новые боги, таким образом, не были несопоставимы со старыми. Они образовывали довольно гармоничный круг, и не было никакой необходимости в новом жречестве; старых жрецов было достаточно, чтобы заботиться обо всех. Появилось несколько новых имен, несколько новых храмов или алтарей, но все было в старом духе, и не было соперничества между

старым и новым. Ни один из старых богов не был оттеснен на задний план новоприбывшими. На первый взгляд, это было невозможно, потому что все новые боги представляли собой новые идеи, которые не были предусмотрены старой схемой. Даже Диана, которая впоследствии в некоторой степени узурпировала функции Юноны, в настоящее время отстаивала чистую и простую политическую идею, насколько это было возможно для Рима. Этот период равновесия продолжался недолго, но пока он длился, это был, без сомнения, самый лучший и сильный период во всей истории римской религии. Не было бурного религиозного энтузиазма, но не было и соответствующей депрессии, компенсирующей его. Именно холодный, но добросовестный формализм был лучше всего приспособлен к римскому характеру, потому что, пока он господствовал, можно было избежать излишеств суеверия.

Но этот элемент суеверия был уже на подходе, он появился в течение нескольких лет после открытия республики и оказывал свое коварное влияние все сильнее и сильнее, пока не отпраздновал свои самые дикие оргии во время Второй Пунической войны. Именно в этот период первых трех веков республики, примерно с 500 до 200 г. до н. э., и произошла эта перемена. Внешне он напоминал неуклонный рост религиозного чувства и энтузиазма, и современникам вполне могло так показаться. Это был период появления множества новых богов и новых храмов, но само по себе это не причиняло вреда. Вред причинил принцип, лежащий в основе этого. Он существенно противоречил тому, чего требовала истинная римская религия и римский характер; и последняя половина республики расплатилась за то, что сделала первая, упадком веры, который едва ли был превзойден в мировой истории.

Обычно авторы истории римских нравов приписывают эти изменения греческому влиянию; конечно, в основном это верно, но эти авторы в целом пренебрегают более тщательным анализом греческого влияния, выделением различных его аспектов в разные периоды, а также задают и отвечают на вопрос, почему это влияние было особенно пагубным для римлян. Обычно о нем говорят как о влиянии греческой литературы и философии, но для нашего времени это совершенно неверно, поскольку всем известно, что греческая литература начала оказывать влияние на Рим только во времена Пунических войн, а греческое влияние, о котором мы здесь говорим, начало сказываться за двести пятьдесят лет до Пунических войн. Настоящей причиной неестественного стимулирования религии в течение этих трех столетий является не что иное, как книги Сивиллиных оракулов. Поэтому перед нами стоит очень определенная и интересная задача. Она заключается в том, чтобы изучить работы этих оракулов и объяснить, почему они оказали такое необычайное влияние на религию и общество, что за три столетия смогли полностью изменить как форму, так и содержание римской религии, и под видом усиления ее рвения настолько подорвать ее жизненную силу, что потребовалось почти двести лет человеческого опыта и страданий, прежде чем истинная религия была в некотором смысле восстановлена на своем месте.

Как и происхождение почти всех великих религиозных движений в мировой истории, истоки сивиллиных книг окутаны тайной. В более позднюю эпоху, для которой история не имела тайн, с дешевым желаемым всезнанием рассказывали о старухе, которая посетила Тарквина и предложила ему девять книг за определенную цену, а когда он отказался платить, ушла, сожгла три, а затем, вернувшись, предложила ему по первоначальной цене шесть, которые остались; когда он снова отказался, она ушла, сожгла еще три и наконец предложила по той же старой цене три, которые остались, которые он принял. Кроме как в качестве примера характера раннего греческого торговца, эта история ничего не стоит. Сомнительно даже, чтобы присутствие сивиллиных книг в Риме выходило за рамки республики. Впервые они были использованы в 496 году до н. э., и с ними связан один маленький факт, который делает

вероятным, что они появились не раньше, чем началась республика. Это то обстоятельство, что, учитывая большую секретность книг, немислимо, чтобы они когда-либо находились в Риме без особых хранителей, и все же самыми ранними хранителями, о которых мы знаем, были новообразованные священники, состоявшие первоначально из двух человек, так называемые "два человека, отвечающие за жертвоприношения" (*Ilviri sacris faciundis*). Форма этого титула своеобразна: он не является собственным именем, как титулы всех остальных священников. Вместо этого он построен по принципу титулов специальных комитетов, назначаемых сенатом для административных целей; поэтому он имеет все признаки того, что возник при республике, а не при царстве, в то время, когда сенат обладал верховным контролем. Так много можно сказать о времени, когда они были введены в Рим; что касается места, откуда они пришли, то это, несомненно, были греческие колонии Южной Италии, вероятно, самая старая и самая важная из них, Кумы, столь знаменитые своей сибиллой. Это была не первая связь Рима с Кумами, поскольку, по всей вероятности, поклонение Аполлону распространилось оттуда в Рим к концу царства. Аполлон и книги были связаны в Кумах, ведь именно Аполлон вдохновил сивиллу, и оракулы были его велениями, но почти наверняка Аполлон пришел в Рим раньше оракулов. Он прибыл туда как бог врачевания и получил священное место за пределами *помериума* в Кампус Мартиус, на том месте, где позже (431 г. до н. э.) для него был построен храм вместе с его сестрой Артемидой-Дианой и их матерью Латоной. Это был единственный государственный храм Аполлона, пока Август не построил знаменитый храм на Палатине. Именно при Аполлоне появились сивиллины. Что касается самих книг, то они хранились в таком секрете, что мы не можем рассчитывать узнать о них много нового, но в редких случаях, когда этого требовала серьезность обстоятельств, сенат разрешал публиковать оракулы, на которых основывалось его решение, и из опубликованных таким образом оракулов до нас дошли один или два. Они, конечно же, были написаны на греческом языке и сформулированы в двусмысленном стиле, который по понятным причинам был наиболее подходящим для оракулов. Они предписывали поклоняться определенным божествам, естественно, все они были греческими, и совершать определенные более или менее сложные ритуальные действия. Когда они были приняты в Риме, их поместили в храм Юпитера Оптимуса Максима на Капитолии под охрану их хранителей, нового священства "двух мужчин, отвечающих за жертвоприношения". Этот комитет из двух человек был увеличен до десяти в 367 году до н. э., когда был достигнут великий компромисс между патрициями и плебеями, и плебеи были приняты в это единое жречество с пятью представителями. Впоследствии Сулла сделал число пятнадцать, которое и стало официальным с того времени, так что священство обычно называется *Quinddecemviri*, даже когда речь идет о каком-то более древнем периоде. Однако реальный контроль над книгами находился в руках сената. Когда сенат считал нужным, жрецам приказывали проконсультироваться книгами, но без этого особого распоряжения даже их опекуны не смели к ним приближаться. Жрецы докладывали сенату о том, что они нашли, и сенат принимал решение о действиях, которые предписывали оракулы. За выполнение этих действий снова отвечали жрецы Сибиллы, которые совершали требуемые церемонии и на все времена были ответственны за поддержание любых новых культов, которые могли быть введены.

Когда мы видим, как тщательно охранялись эти оракулы и как осмотрительно их использование было ограждено сенатским контролем, и когда мы думаем, как мало вреда принесло использование оракулов в Греции за все века ее истории, может показаться, что утверждения, сделанные в начале этой главы о хаосе, вызванном этими оракулами, были сильно преувеличены. Но усилия сената по защите оракулов лишь доказывают, что старшие и мудрые люди в обществе понимали, насколько они опасны, а сравнение с Грецией

приводит к рассмотрению некоторых существенных различий между греческим и римским темпераментом, которые превращали то, что было мясом для одного, в яд для другого.

В более древнюю и чистую эпоху Греции боги никогда не были далеки от людей, они жили почти бок о бок с ними; конечно, было много богов, которых они боялись и от которых хотели держаться как можно дальше, но было и множество других богов, о которых им нравилось думать. Создавая записи своей истории, они не шли назад от света настоящего к вечно мрачному прошлому, а начинали с самого начала, в полном свете богов, от которых все пошло, и мифология переходила в историю незаметными градациями. Они знали о начале, когда все было полностью в руках богов, больше, чем о своем ближайшем прошлом. Искусство очень рано начало знакомить их с обликом богов, так что в их религии было мало загадочного, так мало, что элемент тайны пришлось впоследствии почти искусственно культивировать в "мистериях". Они скорее уважали богов, чем боялись их, и чувствовали, что боги не причинят им никакого вреда, если только они сами не согрешат против них или своих собратьев, и дельфийские оракулы были для них не более страшны, чем приход слова Божьего для израильских пророков. Они привыкли к этим посланиям, которые были почти повседневными делами. Все это было частью того удивительного спокойствия природы, которое делало обычного смертного грека почти таким же спокойным, как невозмутимые лица их богов, какими их видели великие скульпторы.

В Риме все было совсем по-другому. Суеверный элемент в итальянском характере, который так удивляет нас сегодня, когда культурные мужчины и женщины двадцатого века в хорошем обществе преследуют своих товарищей из-за сглаза, является наследием многих тысяч лет. Иногда кажется, что это врожденная особенность итальянцев, порождение Этрурии, которое вошло в их природу вопреки им самим. Потребовались столетия, чтобы привить римлянину концепцию личных индивидуальных богов. Он начал свою теологическую карьеру с ужаса перед неведомыми силами, окружающими его, и с представления о религии как о науке умиловлечения нужной силы по нужному случаю. Познать эти силы было невозможно, да и не хотелось. Их боги были одновременно их хозяевами и слугами, но никогда не были их спутниками. Ранний римлянин не знал такого понятия, как оракул, единственным посланием богов было выражение их гнева в виде чудес и знамений. Они действительно советовались с богами, наблюдая за полетом птиц или изучая внутренности жертвы, но это было лишь для того, чтобы получить ответ "да или нет" на категорический вопрос о том, угоден ли богам тот или иной поступок. В остальном все вокруг них было загадкой, и в тот момент, когда зрение отказывало, поскольку ни воображение, ни вера не увлекали их дальше, в дело вступало суеверие, и чем больше они думали о богах, тем больше ужасались. Теперь, если вы представите народу, сформированному таким образом, божественную книгу непогрешимых оракулов, вы усилите его ужас в большей степени, чем сама книга сможет его унять, и по мере использования книги более простые формы их старой веры будут становиться все менее эффективными перед лицом этого нового "колдовства", которое может творить чудеса. И как бы вы ни отгораживались от использования книги, она будет использоваться все чаще и чаще, поскольку тяга к магии становится все более сильной.

Таким образом, изучение внешнего и внутреннего воздействия сивиллиных книг - это настоящая история религии первой половины республики. Внешние эффекты проявляются во введении ряда греческих богов, которые сами по себе были в основном очень уважаемыми, и чье присутствие само по себе не оскорбляло добрые нравы, и если мы остановимся на этом, то не сможем понять, почему религиозный интерес Второй Пунической войны должен так быстро смениться скептицизмом следующего века. Однако внутренние эффекты, которые, хотя их и трудно заметить, все же можно обнаружить между строк

хроники, объясняют все подрывы фундамента, пока мы не зададимся вопросом, не почему конструкция рухнула так внезапно, а как ей удалось продержаться так долго.

История деятельности книг начинается достаточно мирно. В 496 году до н. э. Рим в плохом состоянии; урожай не уродился, а ввоз зерна из Лациума был очень затруднен из-за войны с латинами, в которую он был вовлечен. В своем бедственном положении она обратилась к сивиллиным книгам, и по случаю их первого использования оракулы приказали ввести в Риме культ трех греческих божеств, Деметры, Диониса и Кора. Это был наиболее подходящий и характерный выбор. Во-первых, этим божествам поклонялись в Кумах, на родине книг, откуда Рим мог заимствовать культ и, вероятно, заимствовал; во-вторых, Деметра была богиней зерна, а именно из Кум Рим уже начал получать импортные поставки зерна. Таким образом, приход кумейской Деметры в религиозный мир Рима - это всего лишь сакральная параллель к приходу кумейского зерна в материальный мир Рима. Греческая богиня зерна пришла вместе с зерном, как Кастор пришел вместе с греческой кавалерией, с тем существенным отличием, что Деметра пришла через заклинания книг и постановления сената, в то время как приход Кастора был медленным и нормальным развитием.

Важно внимательно проследить, что именно произошло, когда были введены эти божества, отчасти потому, что это первый зафиксированный случай, и, следовательно, он вполне мог послужить образцом для последующих повторений, а также потому, что в этом случае мы имеем более точное представление о явлениях, чем во многих других. Прежде всего, очевидно, что божества считались чужеземными: не только их храм был построен на Авентине, в долине Цирка Максима, за пределами *помериума*, но и - что гораздо более важно - их греческие имена были отменены, и вместо них были даны римские, чтобы они не казались неуместными. Кроме того, эти римские имена не были новыми именами, переводами их греческих названий, но были именами уже существующих римских божеств, с которыми их легко было отождествить, так что мы сразу видим, что их приход не был реальным обогащением римского Олимпа; то, что они обозначали, уже было представлено там, и их приход был просто дублированием, с последующим результатом, что по мере роста известности и влияния этих парвеню, они лишали всей своей жизненной силы старые трезвые римские божества, к которым они были привязаны. Что же это были за божества, обреченные на смерть в 496 году до нашей эры? Деметра взяла имя старой римской богини Цереры, богини плодородия, о которой мы знаем достаточно, чтобы утверждать, что она принадлежала к старой религии Нумы и что в душе она была совсем другим человеком, нежели Деметра. Все остальное потеряно, погружено под новую Деметру-Цереру с ее храмом, построенным греческими архитекторами, и ее апрельскими играми. Именно эта новая Церера вскоре приобретает необычайное политическое значение, потому что ее храм для плебеев как класса то же, что храм Минервы для профсоюзов организованного труда. Именно там они проводят свои собрания, а сам храм всегда является их сокровищницей, в отличие от храма Сатурна, сокровищницы государства в целом. Сами должностные лица плебеев, знаменитые плебейские эдилы, получили свое название от связи с этим храмом (*aedes*). Эта политическая сторона ее деятельности - единственное реальное преимущество, кроме самого зерна, связанного с ее импортом; оба они составляют в лучшем случае слабую экономическую компенсацию за постоянно растущие аморальные последствия публичных игр Цереры.

Но хотя Церера - самое важное из трех божеств в экономическом и политическом плане, мы не должны забывать и о двух других, оба из которых интересны, хотя один из них интересен скорее тем, чем он не является, чем тем, чем он является. Вместе с Деметрой появились Дионис и дочь Деметры Коре: все трое были связаны в торжественных мистериях Элевсиса,

но ни одна из красот этих идей не перешла в римский культ. Деметра была всего лишь обожествленной торговкой зерном, Дионис - богом вина, а бедная Коре выпала без особого содержания по любопытной причине, которую мы увидим через некоторое время. Единственным древнеримским божеством, с которым можно было отождествить Диониса, был бог Либер, имевший довольно интересную историю и сделавший достаточно для саморазвития, чтобы заслужить лучшую участь, чем быть раздавленным до ничтожества под влиянием своего нового тезки. В это время Либер был процветающим богом плодородия, а с тех пор, как в Италии появился виноград, особенно покровителем плодов виноградной лозы, но он сделал свою карьеру, и было время, когда он не имел собственной индивидуальности, а был просто культовым прилагательным великого бога Юпитера, подателя плодородия во всех сферах жизни. Таким образом, из первоначального Юпитера-Либеры вырос независимый бог Либер; и вот теперь этот Либер потерял свою индивидуальность, отождествившись с Дионисом. Наконец, появляется Коре, дочь Деметры. Здесь римлянам было трудно найти богиню, которая представляла бы хоть какое-то сходное содержание, и, в конце концов, это была нелегкая задача, потому что Коре имеет мало смысла, если не воспринимать ее также как Персефону, невесту Плутона - процесс, требующий мифологических знаний и понимания, которых римлянам времен ранней республики совершенно не хватало. Но существовала старая богиня Либеры, теневая потенциальность, противопоставленная и сопоставленная с мужским Либером, и они выбрали ее и дали имя Коре. Любопытным доказательством того, насколько мало римляне знали о Коре-Либеры и насколько чисто механическим было введение Коре и ее отождествление с Либерой, служит тот факт, что примерно двести пятьдесят лет спустя, как мы увидим, Персефона, настоящая Коре, была введена в Рим как совершенно новое божество и просуществовала там бок о бок с Либерой по крайней мере столетие, прежде чем люди начали понимать, что Прозерпина и Либеры обозначают одну и ту же греческую богиню.

Вдаваться в эти подробности необходимо для того, чтобы как можно лучше понять процесс, в ходе которого боги сивиллиных книг были ассимилированы в тело римской религии. Мы видим, как в основном они были лишними, а потому ненужными и даже нежелательными, потому что своим присутствием лишали старых римских божеств их существования, и как те элементы в них, которые меньше всего соответствовали старому римскому духу, были наиболее склонны к развитию, и как в целом их принятие было чисто механическим процессом, подобно любому действию в колдовстве. И насколько совершенно иным было сословие этих богов в Риме по сравнению с тем, что было в Греции, потому что в Риме они были введены, лишены всей своей мифологии, им поклонялись только ради их практической пользы, и поэтому они были вынуждены работать, чтобы заработать себе на жизнь.

Импорт зерна из Кум означал для Рима нечто большее, чем простое удовлетворение физических потребностей; он означал гораздо большее, чем добавление трех божеств к ее государственному культу, поскольку импортированное таким образом зерно перевозилось из Кум в Остию по морю, а затем вверх по Тибру в Рим, и все это, таким образом, знаменует собой один из важных шагов в развитии интереса Рима к торговле вообще, но особенно к океанской торговле. Пока она сама не занималась перевозками, но она начала интересоваться ими, и море стало что-то значить для этого внутреннего города. Этот возросший интерес к торговле в целом и этот интуитивный интерес к тем, кто "спускается к морю на кораблях", нашли свое отражение в религиозной жизни того времени; появились два новых божества, оба почти наверняка с помощью сивиллиных оракулов, хотя некоторые случайные пробелы в нашей исторической традиции лишили нас подробностей.

Хроника 495 года до н. э. сообщает нам, что в тот год возник спор о том, кому посвятить храм Меркурия. Это первое упоминание Меркурия в наших источниках. Обстоятельства посвящения храма были опущены по недосмотру, но, несмотря на это, связь его введения с сивиллиными книгами не вызывает никаких сомнений, по той простой причине, что хранители оракулов всегда заботились о его культе во все последующие времена. Несмотря на внезапность его появления и молчание хроники, его история вполне ясна, а его прошлое легко восстановить, по крайней мере, в общих чертах.

Многоликий Гермес, который как посланник богов играет роль в стольких греческих мифах, со временем стал ассоциироваться с путешествиями, как бог дорог, а также с торговлей, отчасти потому, что торговля требует путешествий, а отчасти потому, что Гермес был также покровителем рыночной площади, на которой велась торговля. Поэтому его называли "Гермес-покровитель торговцев" (*Эмполайос*), и в этом качестве он отправлялся в колонии Греции, в том числе в Южную Италию. Так Гермес путешествовал с торговцем зерном из Кумэ и стал известен римлянам. Однако они знали его только как бога торговли, и их имя для него - не что иное, как перевод на латынь его греческого культового названия: *Empolaios* = *Mercurius*. Долгое время считалось, что Меркурий существовал среди исконных богов Рима, но следы этого старого бога скорее кажущиеся, чем реальные, и свидетельствуют об одной из фаз того развлечения, которым так увлекались поздние римляне, - писать историю задом наперед и создавать искусственный ореол древности для богов, которых они заимствовали из Греции. Так, Меркурий был принят в государственный культ примерно в то время, когда началась торговля зерном, и был, как бы, божественным представителем интереса, который римское государство проявляло ко всей этой операции. Его храм находился за пределами *помериума* на Авентине со стороны Цирка Максимуса. Именно в этом храме бога-купца зародилась первобытная торговая палата (*collegium mercatorum*) - объединение, отчасти сакральное, отчасти коммерческое, члены которого, *меркуриалы*, часто встречаются в литературе, а также в надписях, одна из которых была найдена даже на острове Делос. В реальном культе римлян Меркурий так и не обрел той многогранности, которую он утратил, придя к ним только как бог торговли. В этом качестве он появляется на секстанах старой медной чеканки, а при империи он отправляется в провинции как спутник Марса, поскольку купец шел бок о бок с воином. Напротив, когда в третьем веке до Рождества Христова в Рим пришла греческая литература, это простое представление о Меркурии было усилено многими новыми греческими идеями, и он вошел в римскую поэзию со всеми атрибутами и функциями Гермеса; но это почти не повлияло на культ, и не было больших соперников старому храму у *Circus Maximus*, не было культового центра с передовыми греческими идеями, как мы видели в случае Геракла, Кастора, Минервы и Дианы.

Мы уже видели, как развитие торговли зерном привело в Рим четыре новых божества, но в нашей истории есть еще одна глава. Зерно и торговля уже получили свои божественные дополнения, но море еще не получило должного, оно тоже должно было иметь свою параллель среди богов Рима. И вот под влиянием судьбоносных книг, хотя когда и как именно, мы сказать не можем, греческий Посейдон снова появился в Риме. Море всегда значило для греков, и радостный крик войск Ксенофонта "Море! Море!" находит отклик во всех веках греческой истории до и после "Анабасиса". Но множество островов и гаваней в Греции заметно контрастирует с их нехваткой в Италии, где и по сей день нет ни одного хорошего порта на западном побережье между Неаполем и Чивитавеккьей, а последний был бы бесполезен, если бы не Траянов мол. Соответственно, в Италии морскому богу Посейдону поклонялись только в греческих колониях, где, однако, у него было два знаменитых культа: в Тарентуме, позже названном Колония Нептуния, и в Паэстуме, старое название которого было Посейдония. Римляне поклонялись божествам воды в изобилии, как и подобает

земледельческому народу, ведь вода означала жизнь, а засуха - смерть; но их божествами были сладкие воды источников и рек, они не знали бога моря. Но когда оракулы привели Посейдона в Рим, он был отождествлен со старым римским богом воды Нептуном, культ которого отныне включал и море. Мы не знаем, где находилось святилище старого сладководного Нептуна, но его старый праздник приходился на 23 июля. Новый Посейдон-Нептун получил храм за пределами *помериума* в Кампус Мартиус, но новый был связан со старым хотя бы тем, что днем посвящения нового храма было 23 июля, день старого праздника Нептуна.

С введением Нептуна, морского бога, государство осуществило, так сказать, своего рода божественное морское страхование; за перевозкой зерна теперь следил римский бог; но не стоило ожидать, что культ морского бога когда-нибудь будет много значить для римлян. Морская торговля Вечного города развивалась очень медленно и достигла своих последующих масштабов не потому, что ею занимались римляне Италии, а потому, что те чужеземцы, которые по своей природе тянулись к морю, впоследствии стали римлянами. Морская война не выпала на ее долю вплоть до Первой Пунической войны, и даже тогда ее победы были одержаны благодаря тактике сухопутного боя, перенесенной на палубы двух кораблей, своего и вражеского, скрепленных между собой десантными мостами, а слава победы принадлежала не Нептуну, а Марсу. Только во время гражданских войн в конце республики происходили настоящие морские сражения, и Нептун получил свою долю славы за победу при Актиуме в 31 году до н. э., а затем над Секстом Помпеем в храме, возведенном Агриппой в *Campus Martius*, за красивыми колоннами которого и сегодня ведет свои дела римская биржа.

Таким образом, в первое десятилетие республики, как мы видели, группа греческих богов была представлена Сивиллиными оракулами, ни один из которых, можно сказать, не был действительно необходим, ни один из них, за исключением морского элемента Нептуна, не представлял никаких новых и жизненно важных принципов, которые уже не присутствовали в религиозном мире, если не Нумы, то, по крайней мере, Сервия. Лучшее, что можно сказать об этих богах, - это то, что один или два из них, в частности Меркурий и Нептун, не оказали положительного пагубного влияния на последующие поколения. В течение следующих двух столетий наши хроники молчат, насколько это касается фактического введения новых божеств с помощью книг, и только в 293 году до н. э. снова начинается рассказ о новых богах. Но в других отношениях оракулы не бездействовали в течение этих двухсот лет. Мы должны избавиться от мысли, что их консультации всегда должны были заканчиваться импортом какого-то нового греческого божества. Оракулы могли приказать провести какой-нибудь новый религиозный обряд, связанный с уже существующими божествами, и эти религиозные обряды, особенно часто совершаемые публичные процессии, подпитывали постоянно растущее суеверие населения. Очень важно, чтобы заклинание или чары содержали что-то странное или чужеродное, это прежде всего помощь извне; и когда боги посылают чудеса и предзнаменования, когда их статуи плачут и потеют кровью, когда скот говорит, а с неба падают метеоры, нужно сделать что-то странное и необычное, чтобы противостоять этим вещам. Среди предписанных таким образом иноземных действий часто встречается священная процессия. Она начиналась от храма Аполлона на *Campus Martius* и проходила в город через *Porta Carmentalis*, пересекала Форум и затем снаружи *pomerium* снова к храму Цереры, а затем к храму Юноны Регины на Авентине. Таким образом, это была сила извне, которая приходила в их город, чтобы очистить его и снова вынести из него нечистоты, от которых она избавила общину.

Для таких полумагических вещей характерно также то, что они теряют свое действие после нескольких применений, и приходится искать другие вещи, всегда более сложные и более странные. Так, с начала республики и вплоть до Второй Пунической войны мы имеем ряд экстраординарных мер, которые становятся все более и более сложными, пока в религиозном безумии лет после Канн не совершаются даже человеческие жертвоприношения по велению книг. В этом третьем веке до Рождества Христова снова начинают появляться божества, и именно к этому веку мы сейчас обратимся.

Вероятно, римляне всегда поклонялись определенным силам исцеления, но как они назывались при старом режиме, мы не знаем, за исключением того, что, возможно, они были связаны с богами воды. В конце царства они получили, как мы видели, Аполлона, божественного целителя, Аполлона Медикуса, и это была первоначально единственная сторона его деятельности, которую он осуществлял в Риме. В различные периоды чумы в первые века республики они обращались к нему за помощью, и по одному из таких случаев (431 г. до н. э.) они построили ему храм. Но со временем люди стали легкомысленно относиться к старому семейному врачу, который поддерживал римлян на протяжении более двух столетий; его методы были слишком консервативны, считалось, что они не соответствуют современному уровню. В Риме появился новый бог врачевания - греческий Асклепий, которого мифы называли сыном Аполлона, хотя изначально он не имел с Аполлоном никакой связи. Его великое святилище находилось в Эпидавре, и оттуда его культ распространился по всему греческому миру. Сначала он был известен в Риме только в поклонении частных лиц, которые привезли его из греческих колоний Южной Италии, вероятно, из Тарентума или Метапонта; но его культ был заразителен, и истории о его чудесных исцелениях охотно слушали. Неудивительно, что во время сильной эпидемии в 293 г. до н. э., когда обращались к сивиллиным книгам, "в них было сказано, что Эскулапий должен быть привезен в Рим из Эпидавра", как говорит Ливий. Однако война с Пирром продолжалась, и в тот год ничего нельзя было сделать, кроме как выделить торжественный день для молитв и обращений к Эскулапию. Интересно наблюдать, как сильно изменились римляне с того времени, когда ровно за два века до этого (493 г. до н. э.) Церера и ее спутники, первые боги, представленные в книгах, получили свой храм. Это было признание богов, хорошо известных в Риме, и даже тогда они сразу же отождествлялись с уже существующими римскими богами; теперь же они фактически посылают экспедицию не только за пределы Рима, но и самой Италии, чтобы ввести культ бога, которого они принимают под его греческим именем. В следующем году (292 г. до н. э.) экспедиция отправилась в Эпидавр, чтобы вернуть бога, то есть священную змею, которая была одновременно и его символом, и его видимым присутствием. Такой ввоз священной змеи из Эпидауроса не уникален для Рима, а был обычным методом установления отраслевого культа. Змеи хранились в Эпидавре именно для этой цели, и таким образом было создано множество филиалов. Чрезвычайно интересен вопрос о практической медицинской ценности методов лечения, которые практиковались в Эпидавре и его филиалах. Долгое время те, кто лучше всего подходит для выражения технического мнения, современные врачи, изучавшие этот вопрос, не находили в них ничего хорошего, и их мнение, похоже, подтверждается некоторыми надписями, недавно обнаруженными в Эпидавре, которые рассказывают самые необычные истории о чудесных исцелениях. И все же многие из этих историй не являются реальными фактами, а скорее благочестивыми легендами, провозглашенными в назидание благочестивым людям, чтобы укрепить их веру. Прежде чем осуждать все это дело, мы должны осознать два факта: во-первых, некоторые из самых способных умов Греции, люди, которые в остальном ничем не отличались от своих религиозных убеждений, безоговорочно верили в Эпидавра и отправлялись туда, чтобы

исцелиться; а во-вторых, чудесное действие бога всегда дополнялось лекарствами, в которых, вполне возможно, была какая-то реальная ценность.

Об этом посольстве в Эпидавр нам рассказывают скорее слишком много, чем слишком мало, поскольку атмосфера третьего века отличается от атмосферы ранней республики. Греческая литература начинала оказывать влияние на Рим, рождались поколения, которым предстояло стать первопроходцами в римской литературе. Таким образом, римская мифология начинала развиваться по греческим образцам, и один из моментов, где легенда росла наиболее густо и быстро, - это пришествие Эскулапия. Очевидно, что комитет отправился в Эпидавр, добыл змею, привез ее в целости и сохранности в Рим и основал святилище на острове в Тибре, где был построен храм и посвящен 1 января 291 года до нашей эры. Вероятно, это было первое использование острова, и именно этим временем датируется первый мост, соединяющий его с городом; другой мост, на правом берегу, был построен гораздо позже. Римляне всегда считали остров скорее недостатком, чем преимуществом. Даже в легенде он был проклят, поскольку возник из пшеницы Тарквинов. Они всегда хотели быть отрезанными от него и боялись, что он может послужить подступом для врага с противоположного берега. Немногочисленные реальные факты о приходе Эскулапия переросли в романтический рассказ о том, как, к великому удивлению и ужасу моряков, змея по собственной воле попала на римский корабль; как она оставалась на борту, пока они не достигли Антиума, а затем внезапно выплыла на берег и свернулась калачиком на священной пальме в ограде храма Аполлона; И как, когда они уже отчаялись вернуть ее обратно, она мирно вернулась к ним через три дня, и все шло хорошо в путешествии в Остию и вверх по Тибру, пока они не миновали остров, и тогда змея сошла на берег, чтобы сделать там свой постоянный дом.

Позднее, в соответствии с фантазией, остров превратили в подобие лодки, построив на обоих концах нос и форштевень из травертина, следы которого можно увидеть и сейчас; любопытным примером того, что в современном городе сохранились следы древнего Рима, является госпиталь С. Бартоломмео стоит на месте старого святилища Эскулапия, и, насколько мы можем судить, двадцать два века страдающего человечества облегчали здесь бремя своей боли, непрерывно с того дня нового года, более чем за триста лет до Рождества Христова, когда была официально открыта больница Эскулапия Эпидаврского.

Приход бога исцеления в первые годы третьего века вполне можно рассматривать как предзнаменование великих страданий, которые это столетие должно было принести Риму. Это был век почти непрерывных войн: сначала Самнитская война; затем война с Пирром и завоевание Римом Южной Италии; после передышки длиной в десятилетие первая война с Карфагеном и горькое обучение Рима морскому делу; затем кампании в Цизальпинской Галлии; и, наконец, война с Ганнибалом, заполнившая последние два десятилетия, самое страшное состязание за всю историю Рима с его самым ужасным врагом на его собственной земле в Италии. Поэтому не стоит удивляться тому, что в основном это был век религиозной депрессии, время, когда страх перед богами наполнял сердце каждого человека и когда каждое незначительное кажущееся нарушение в ходе природы преувеличивалось до предвестия, объявляющего гнев богов и требующего немедленного и экстраординарного умиловления. Именно в такой момент в середине века (249 г. до н. э.) происходит следующий зафиксированный случай появления новых богов. Шла первая война с Карфагеном, Рим только что потерпел страшное поражение у северо-западной точки Сицилии, при Дрепане, поражение тем более ужасное, что его причиной считалась нечестивость консула Клодия, который, услышав, что священные куры не хотят есть, мрачно пошутил, сказав "пусть они тогда выпьют", и утопил их всех. А в довершение всего в стену

Рима ударила молния. Тогда нужно было действовать, и тогда обратились к книгам. Они приказали приносить жертвы Дису и Прозерпине, черного бычка Дису и черную корову Прозерпине, три ночи подряд, на *Campus Martius*, на алтаре, который назывался *Тарентум*, и повторять эту церемонию по истечении ста лет. Здесь мифотворцы более поздних времен работали еще более оживленно, чем в случае с Эскулапием. История Эскулапа была дополнена ими лишь несколькими чудесными деталями, несколькими легендарными украшениями, но история Диса и Прозерпины была настолько покрыта их выдумками, что лишь недавно ее удалось освободить от них и увидеть в истинном свете, причем некоторые фазы были настолько совершенно извращены, что до сих пор остается ряд очень сложных моментов. Чтобы получить четкое представление о ситуации, мы должны начать с довольно далекого прошлого.

В целом религиозные верования - одна из самых консервативных вещей в мире; отдельный человек может стать сколь угодно радикальным, но его влияние на общее религиозное сознание своего времени будет крайне незначительным. Время от времени число радикальных личностей увеличивается, и их взгляды влияют на определенные классы общества, но даже в те периоды религиозного развития, которые мы склонны считать наиболее иконоборческими, общество в целом и в среднем по всем классам не намного радикальнее, чем в, казалось бы, нормальные времена. И хотя религия в целом консервативна, есть один ее раздел, более консервативный, чем все остальные, раздел, в котором изменения почти исключены, - это верования, касающиеся мертвых. При обсуждении религии Нумы мы видели очень примитивный характер римских верований в этой области, стойкое сохранение старых анимистических представлений о мертвых, тенденцию объединять мертвых в массу и верить в коллективное, а не индивидуальное бессмертие, и, прежде всего, отвращение к мертвым и нежелание задумываться об их состоянии и рисовать воображаемые картины жизни за могилой. В свете этих чувств не странно, что мы с большим трудом находим древнеримских богов мертвых, не считая мертвых, которые сами по себе являются богами. Эти мертвые как боги (*Di Manes*) и, возможно, Мать-Земля (*Terra Mater*) - единственные правители в Нижнем мире. В Греции, напротив, смерть была почти так же естественна, как и жизнь, и хотя условия в ранние времена не отличались от римских, как их так замечательно описал Роде в своей "*Психее*", грек вскоре вышел за эти рамки, и мир мертвых стал для него почти так же хорошо известен, как и мир живых. Существовало царство мертвых, и правили им король и королева. В разных частях Греции этих правителей называли по-разному, но именам, которые они носили в некоторых частях Пелопоннеса, - Аид, царь мертвых, и Персефона, его невеста, - суждено было пережить все остальные. Культ этой царственной пары распространился далеко и широко, но наиболее заметное развитие получил в Аттике, где Персефона стала Корой, дочерью Деметры, украденной Аидом, чтобы стать его невестой, а сам Аид под солнечным небом Афин утратил часть своих ужасов и превратился в Плутона, бога богатства, особенно богатых земных благ. Но все это было чуждо Риму, и пока греки размышляли об этом, римляне спокойно шли по жизни, довольствуясь своими простыми *ди манами*. Лучшего доказательства этого нельзя и желать, чем случайно данное нам введение Деметры и ее дочери Керы в Рим как Цереры и Либеры в 493 году до н.э., и абсолютная бесцветность и бессмысленность Либеры, одним словом, полное отсутствие связи в религиозном сознании Рима между Либерой и Персефоной. Но в 249 г. до н.э., почти два с половиной века спустя, дело обстояло иначе; Рим узнавал многое, что было чуждо его старым верованиям, и для него уже не было ничего невозможного в идее индивидуальных правителей мертвых. Таким образом, по велению книг Плутон и Персефона были приняты в государственный культ, хотя странность ситуации была признана, по крайней мере, в той мере, в какой они перевели Плутона на латинский *Dis*; Персефона, конечно, была оставлена покое, или, более строго

говоря, была приспособлена к латинскому языку, будучи заменена на Прозерпину. Конечно, невозможно, чтобы римляне 249 г. до н. э. были совершенно не осведомлены о Плутоне и Персефоне, пока сивиллины не приказали ввести их в обиход. И снова их учителями были торговцы из Южной Италии, а название *Тарентума*, которым был назван алтарь, где должно было совершаться жертвоприношение, возможно, указывает на город Тарентум как источник культа. Римляне слишком хорошо знали Тарентум со времен богатой событиями войны с Пирром, которая была в их истории всего одно поколение назад.

И вот римляне переняли греческих богов мертвых и тем самым, по крайней мере теоретически, подчинили своих умерших предков грекам так же, как они сами, потомки, сидели у ног греков в этой жизни. Но хотя постановление сената давало этим богам римское гражданство, а жрецы сивиллиных книг были обязаны исполнять ритуал культа, к чести римлян, сами боги никогда не занимали очень глубокого места в религиозной жизни народа в целом. Их имена, конечно, вкрались в некоторые старые формулы и стояли рядом с более древними божествами, а о Прозерпине много писали римские поэты; но настоящие испытания преданности, посвятельные надписи, почти полностью отсутствуют. Как ни странно, единственное, что, похоже, привлекло их внимание, - это странный ритуал ночного жертвоприношения в Тарентуме, и особенно его повторение через сто лет. Эта идея ста лет скорее римская, чем греческая, и, по крайней мере, можно задаться вопросом, не была ли она добавлена к указаниям оракула, чтобы придать всему этому делу дополнительный римский колорит. Так, в 249 году до н. э. были учреждены Светские игры, которые с приблизительной точностью повторились в 146 году до н. э. и, несомненно, повторились бы в 49-46 годах до н. э., если бы гражданская война не заполнила все умы людей и не сделала человеческие жертвоприношения мертвым в бою почти ежедневным явлением. Тем временем римские летописцы работали в обратном направлении в своей особой манере и забрасывали в прошлое серию вымышленных праздников, предшествующих 249 г. до н. э., на сто лет назад, во времена царства. С другой стороны, позже у нас будет повод рассказать о восстановлении игр и их реорганизации Августом.

В условиях испытаний нации очень похожи на отдельных людей, и национальная слабость, которая часто полностью скрыта в обычных условиях, ярко и катастрофически проявляется в тот час, когда сила нужна больше всего. Война с Ганнибалом была именно таким кризисом в истории Рима, и под ее влиянием зависимость Рима от сивиллиных книг стала выраженной как никогда. Семена суеверий, посеянные в предыдущие века, теперь расцвели, и им суждено было принести плоды, сбор которых стал горькой задачей последних веков республики. История Второй Пунической войны, рассматриваемая только с военной точки зрения, представляется Риму почти как кошмарный сон: длинная череда легких на первый взгляд побед одна за другой оборачивается поражениями; Но когда мы добавляем к этому другую хронику, которую так любит Ливий, длинные списки знамений и чудес, посланных разгневанными богами, и когда мы понимаем, что для народных масс гнев богов был более ужасным и столь же реальным, как и враждебность Ганнибала, то у нас не хватает духу упрекнуть их за религиозное безумие. Сами по себе прыжки коровы из окна второго этажа или изображения богов, проливающих слезы, не кажутся очень серьезными, но наделите нас трехсотлетним наследственным страхом перед этими явлениями, дайте нам инстинктивное толкование их как отворачивания от нас сил, на которые мы рассчитываем в помощи, а то и их позитивного противодействия нам и нашим надеждам - и наше состояние в присутствии этих явлений было бы совсем другим.

Таким образом, почти каждый год между 218 и 201 гг. до н. э. был отмечен религиозными церемониями, а сивиллины, которые до сих пор были, по крайней мере в теории, всего лишь

альтернативным методом религиозной процедуры, допущенным к существованию наряду с более древними и консервативными формами, теперь стали порядком дня. Как в гомеровской картине, где распри богов на Олимпе идут параллельно с битвами греков и троянцев на равнинах Трои, так и каждая победа, которую Рим одержал над Ганнибалом на поле боя, была куплена ценой победы греческих богов над римскими в области религии; И далее, хотя Риму удалось удержать Ганнибала за своими стенами, его богам не удалось защитить *помериум* от греческих богов, и именно во время Второй Пунической войны этот величайший оберег старой римской религии и обычаев был разрушен, и новые боги полностью овладели городом, поставив свои храмы на местах, которые до сих пор считались самыми священными. С этого момента все различия исчезают, и едва ли можно говорить о римском культе в отличие от греко-римского. Важно, однако, заметить, что этот распад произошел из-за чрезмерного религиозного рвения, а не из-за пренебрежения и безразличия, и хотя мы действительно можем заметить постепенную деградацию божеств, введенных книгами, начиная с таких трудолюбивых богов, как Церера, Меркурий и Нептун, до более чудесного Эскулапия и культа Дис или Прозерпины с его возможностями странного фантастического поклонения, однако до сих пор сохранились лишь скудные следы оргиастического элемента. Но это был следующий шаг, и он не заставил себя ждать. Стремительные кампании первых лет войны с Ганнибалом прошли, Канны (216 г. до н. э.) были несколько восстановлены Метавром (207 г. до н. э.), где подкрепление Ганнибала во главе с Гасдрубалом было разбито на куски, но результат оказался не тем, на который рассчитывали, и Ганнибал не покинул Италию, а закрепился в горах юга и, похоже, готовился провести там остаток своей жизни. Именно в этом 205 году до н. э. снова обратились за помощью к книгам, чтобы они, возможно, указали путь, по которому можно изгнать Ганнибала из страны. Пришел ответ, что, если враг чужеземного происхождения начнет войну, его можно будет победить и изгнать из Италии, если привести в Рим из Фригии Великую Мать богов. Остальная часть этой истории так причудливо и вместе с тем так правдиво рассказана Ливием (Вк. ххix.), что не будет лишним привести его слова: "Оракул, открытый децемвирами, подействовал на сенат тем сильнее, что послы, принесшие дары [обещанные в битве при Метавре] в Дельфы, сообщили, что, когда они приносили жертву пифийскому Аполлону, все предзнаменования были благоприятны и что оракул дал ответ, что римский народ ждет более великая победа, чем та, от добычи которой они тогда приносили дары. И в завершение этой надежды они обратили внимание на пророческое мнение Публия Сципиона об окончании войны, поскольку он просил Африку в качестве своей провинции. И вот, чтобы быстрее одержать победу, которую обещали им предзнаменования и оракулы судьбы, они стали размышлять о том, какие есть средства, чтобы привести богиню в Рим. Пока у римлян не было союзных им государств в Малой Азии, но они помнили, что раньше Эскулапий был привезен из Греции ради здоровья народа, хотя у них не было союза с Грецией. Они также поняли, что с царем Атталом [Пергамским] завязалась дружба... и что Аттал сделает все возможное в интересах римского народа; поэтому они решили отправить к нему послов... и выделили им пять военных кораблей, чтобы они могли подойти подходящим образом к странам, которые они хотели заинтересовать в своей пользе. Когда послы были на пути в Азию, они высадились в Дельфах и, подойдя к оракулу, спросили, какова перспектива для них и римского народа осуществить то, для чего они были посланы. Говорят, что оракул ответил, что через царя Атталы они получают то, к чему стремились, но когда они привезут богиню в Рим, то должны позаботиться о том, чтобы лучший человек в Риме был под рукой, чтобы принять ее. Тогда они пришли в Пергам к царю [Атталу], и он принял их милостиво и привел их в Пессин во Фригии, и он отдал им священный камень, который, по словам местных жителей, был Матерью богов, и велел им нести его в Рим. А Марк Валерий Фальто был послан вперед послами и объявил, что богиня приближается и что нужно найти лучшего

человека в государстве, чтобы принять ее с должной церемонией". В следующем году (204 г. до н. э.), рассказав о новых чудесах, Ливий продолжает: "Тогда же пришлось заняться вопросом об Идейской матери, поскольку, помимо того, что Марк Валерий, один из послов, отправленных вперед, сообщил, что она скоро будет в Италии, поступило новое сообщение, что она уже находится в Таррацине. Сенату предстояло решить очень важный вопрос, а именно, кто является лучшим человеком в государстве, ведь каждый человек в государстве предпочитал победу в таком состязании, как это, любым командам или должностям, которые могли бы дать ему голоса сената или народа. Они решили, что из всех хороших людей в государстве лучшим является Публий Сципион..... Затем ему со всеми матронами было приказано отправиться в Остию, чтобы встретить богиню, принять ее с корабля, перенести на сушу и отдать женщинам для переноски. После того как корабль подошел к устью Тибра, Сципион, выйдя в небольшой лодке, как ему было приказано, принял богиню от жрецов и вынес ее на сушу. И знатнейшие женщины страны... приняли ее... и несли богиню на руках, сменяя друг друга, пока весь Рим высыпал ей навстречу, и перед дверями, через которые ее проносили, ставили благовония и жгли фимиам в ее честь. И вот, помолившись, чтобы она охотно и благосклонно вошла в город, они внесли ее в храм Победы, что на Палатине, в день перед Нонами апреля [4 апреля]. Это был праздничный день, и народ в большом количестве приносил дары богине, и устраивался пир в честь богов, и проводились игры, которые назывались *Мегалесия*". Эта необычная картина, вероятно, в основном исторически верна. Самая поразительная ее часть - энтузиазм римского населения - конечно, не преувеличена. Так в Рим было введено последнее божество, когда-либо вызываемое с помощью книг, божество, культу которого суждено было пережить все остальные, нанести больше вреда и вызвать больше деморализации, чем всем остальным культам вместе взятым. Чтобы понять, почему это так, мы должны на мгновение вернуться назад.

Влияние Греции на Рим было постепенным, и мы можем выделить, по крайней мере, три отдельных периода и фазы этого влияния, если говорить о религии: во-первых, неформальное появление нескольких греческих богов, которые более или менее полно адаптировались к старому римскому характеру; таковы Геракл, Кастор и даже Аполлон, хотя Аполлон был косвенно ответственен за второй период, потому что он был причиной появления сивиллиных книг. Влияние этих книг породило второй период с его характерными чертами - постоянно растущим суеверием и большей пышностью культовых действий, но хотя трезвость прежних дней сменилась беспокойной активностью, новые боги и новые культовые действия все еще были такого характера, что римляне могли без стыда принимать участие в поклонении. Но подобно тому, как неподвижный Аполлон породил книги, так и теперь в качестве последнего завещания книги принесли Великую Мать, и начался третий период, период оргиастического восточного культа, который преобладал, по крайней мере среди некоторых классов, вплоть до установления христианства. Мы вполне можем спросить, кто была эта Великая Мать и почему этот единственный греческий культ должен был так отличаться от всех остальных.

В разных местах Малой Азии и на Крите поклонялись богине, первоначально не имевшей собственного имени, как великому источнику плодородия, матери всего сущего, даже богов. Гора Диндимос во Фригии была одним из главных центров культа, и там Великая Мать была известна также как Кибела. Из этих различных центров культ распространился по всему греческому миру, но где бы он ни был, он всегда указывал на место своего рождения некоторыми странными восточными элементами как в своих мифах, так и в своих обрядах. Его приверженцы представляли собой шумную оргиастическую группу, которая заполняла

улицы своими танцами, а воздух - пением и звоном своих символов под аккомпанемент звона монет в копилке - ведь сбор денег со зрителей всегда был частью представления.

Вот что получали "лучший мужчина государства" и почтенные римские матроны от Рима - священный камень, изображающий богиню, и группу шумных жрецов-искусителей; вот что они открывали свои ворота и принимали в свою святая святых - Палатинский холм, место рождения Рима. Греки снова пришли с дарами, и, подобно троянцам, которые разрушили свои стены и втащили деревянного коня в свою цитадель, римляне, предполагаемые потомки этих троянцев, несли на свой самый священный холм еще один дар Греции, который должен был захватить их город. Они поместили изображение в храме Виктории на Палатине до тех пор, пока его собственный храм не был готов принять его, и богиня Победы, похоже, откликнулась на его присутствие, ведь разве Ганнибал не покинул Италию уже на следующий год? И кто будет настолько нечестив, чтобы предположить, что слава принадлежит Сципиону, а не Кибеле, и что сильная римская армия в Африке повлияла на Ганнибала больше, чем священный камень на Палатине?

Можно усомниться, что что-либо, кроме столь крайней необходимости, побудило бы Рим принять такой совершенно чуждый культ; и когда кошмар войны остался позади, сенат проснулся и осознал, что совершил очень серьезный поступок. К их чести следует сказать, что они сделали все возможное, чтобы свести зло к минимуму. Богиня привела с собой своих жрецов, культ оказался в их руках, и по закону он должен был оставаться там, и ни один римский гражданин не мог стать жрецом. О том, что этот закон действительно соблюдался, свидетельствуют несколько случаев, когда нарушителей наказывали, вплоть до отправки за море. Кроме того, богослужение должно было в основном ограничиваться пределами храма на Палатине, и только в определенные дни года жрецам разрешалось выступать на улицах города. О силе римского права говорит тот факт, что эти постановления действовали на протяжении трех с половиной веков и не менялись до правления Антонина Пия.

В введении Великой Матери сивиллины совершили свое последнее и самое заметное достижение. В дальнейшем они не вводили новых божеств, и к ним обращались лишь изредка, в основном в политических целях, например, в 87 году до н. э. против последователей Суллы, а в 56 году до н. э. в связи с планом чисто политического характера. Их работа была сделана, и мы уже видели, в чем она заключалась. В течение трехсот лет они поощряли рост суеверий. Со своего плацдарма в храме Юпитера Оптимуса Максима, олицетворения всего патриотически-римского в Риме, они изрекали эти непогрешимые оракулы, которые казались намного лучше простых ответов "да и нет", которыми старые римляне довольствовались в общении с богами. Во времена опасности от моровой язвы и битвы они давали советы, и мор прекращался, а битва оборачивалась победой. Казалось, сивилла действительно заслужила благодарность Рима. Только время могло научить их тому, что на самом деле дали им книги. Только в следующих поколениях стало очевидно, что злоупотребление верой, подмена заклинаний преданностью, разрушает истинную религию. Именно влияние этой подмены на различные классы общества в новых и сложных социальных условиях последних двух столетий республики является темой нашей следующей главы.

УПАДОК ВЕРЫ

В наши дни стало модным не думать ничего плохого о Греции. В искусстве мы переживаем очередной Ренессанс, но не такой, как в XIV и XV веках, когда возрождался Древний Рим, а движение, ведущее за Рим к классическим и даже предклассическим образцам Греции. Само по себе это здоровая тенденция, необходимая коррекция сенсационного поиска новизны, характерного для последних лет девятнадцатого века. Но в нашем восхищении греческим духом мы не должны забывать, что после Александра этот дух потерял большую часть своей красоты и очень быстро постарел. Мы можем сожалеть о том, что Рим, подобно некоторым нашим знакомым, временами, казалось, обладал сильной способностью усваивать худшее из того, что его окружало, но иногда не реагировал на лучшее; и все же мы должны по справедливости стремиться осознать тот факт, что не только греческий дух в его лучших проявлениях не поддается обучению, но и то, что в тот исторический момент, когда Рим попал под это влияние, греческий мир был очень стар и утомлен. Это несчастье Рима, а не ее вина, что, когда она была достаточно взрослой, чтобы пойти в школу, александрийство с его педантичными деталями было в порядке дня в мифологии, а робкие постсократовские школы были учителями философии. Естественно, если бы Рим был другой Грецией, она бы вернулась от этих поздних форм к более истинному и чистому духу, но Рим не был Грецией, и ни один вдумчивый человек никогда не притворялся, что он ею был. В третьем веке до Рождества Христова Греция начала активно влиять на Рим; до этого времени эллинское влияние ограничивалось в основном влиянием на религию, которое оказывали сивиллины, и влиянием на общество, вызванным присутствием греческих торговцев. Но теперь греческая мысль, воплощенная в литературе, начала влиять на римскую мысль и приводить к появлению литературы, основанной на греческих образцах. Три века сивиллиных оракулов привели Рим к патологическому религиозному состоянию Второй Пунической войны, когда он, не задумываясь, разрушил религиозный барьер, до сих пор отделявший национальные элементы в его религии от перенятых, и в то же время без колебаний потянулся в Малую Азию за восточным культом, маскирующимся под греческие цвета, и поместил на Палатине Великую Мать Пессина. С этого времени в Риме неуклонно действовали два влияния, которые определяли историю римской религии в течение двух оставшихся столетий до конца республики: одно - мифология, непосредственно влиявшая на формы культа и верования, касающиеся отдельных богов; другое - философия, атаковавшая всю основу религиозной веры в целом.

Греция отдала Риму своих богов, когда сама устала от них, отдала уставших богов, измученных веками обращения с ними, давно унесенных с Олимпа, уставших служить натурщиками для поэтов и художников, вечно облачаться в новые мифологические одежды или изнемогать от лабораторных экспериментов философов, пытавшихся истолковать их на все возможные лады или вовсе от них отказаться. Неудивительно, что римлянам потребовалось не более века, чтобы покончить с этими богами, обнаружить, что единственным среди них, кто мог удовлетворить их религиозные желания, была наименее греческая из всех, Magna Mater, и, найдя ее, отправиться в путь, чтобы взять себе более похожих на нее, одним словом, жаждать сенсационных культов Востока. И философия, которую Греция дала Риму, была не лучше мифологии. Нет ничего странного в том, что человеческая мысль испытала реакцию после века, в котором жили Платон и Аристотель, но жаль, что Рим должен был учиться своей философии в период сомнений и скептицизма, в эпоху, когда меньшие мастера, знавшие больших, ушли, оставив после себя лишь учеников учеников.

История религии в Риме в последние два века республики - это история действия и реакции этих двух тенденций: одной - к новизне и сенсационности в поклонении, которую мы можем назвать суеверием, другой - к философии сомнения, которую мы можем назвать скептицизмом, в присутствии установленной религии государства. В этом две эпохи имеют много общего, но на этом их сходство заканчивается. В первом из этих веков (200-100 гг. до н. э.) государственная религия смогла удержать свои позиции, по крайней мере внешне, и вести войну против обеих тенденций. В другом столетии (от 100 г. до н. э. до Августа) политика получила контроль над государственной религией и настолько лишила ее сил, что она была раздавлена между противоборствующими силами суеверия и скептицизма. Именно к истории более раннего из этих двух веков, второго до нашей эры, мы сейчас и обратимся.

С окончанием Второй Пунической войны для Рима начался период очень большого материального процветания. Это процветание было, конечно, не совсем равномерным, и оно не лишено сходства с некоторыми современными примерами коммерческого процветания, поскольку это было не столько общее улучшение экономических условий, сколько очень быстрый рост богатства относительно небольшого числа людей, рост, достигнутый за счет положительного ущерба для большого элемента в населении. Так получилось, что век, первые семьдесят лет которого представляют собой почти беспрецедентное зрелище увеличения территории страны, сопровождаемого, согласно древним методам налогообложения, огромным ростом национального богатства, завершился трагедиями Тиберия и Гая Гракха и наследием классовой ненависти, породившей гражданские войны. Рост богатства и территории не мог не отразиться на внешнем облике государственной религии. Территория была завоевана в результате ряда мелких войн, в ходе которых было заложено множество храмов; а военные трофеи обеспечивали средства для выполнения обетов. Таким образом, стороннему наблюдателю вполне могло показаться, что религия государства переживает время великого процветания. Между завершением Пунической войны (201 г. до н. э.) и годом правления Тиберия Гракха (133 г. до н. э.) мы располагаем точными сведениями о посвящении не менее девятнадцати государственных храмов, и, несомненно, было много других, о которых у нас нет сведений. Другим, казалось бы, хорошим признаком является тот факт, что сивиллины молчат, пока речь идет о введении новых божеств. Однако эти поверхностные признаки обманчивы. Что касается Сивиллиных книг, то теперь, когда граница *помера* была разрушена и храмы греческих богов можно было ставить в любом месте города, для государства было очень простым делом принести любого греческого бога, которого оно пожелает, и, уподобив его более или менее похожему римскому богу и назвав его римским именем, поставить ему храм в любом месте. Правда и то, что, поскольку римская теология теперь основывалась на принципе, согласно которому каждый римский бог имел свою греческую параллель и *наоборот*, не осталось ни одного бога, чьи имена встречались бы в сивиллиных книгах, которого теперь нельзя было бы принести без них. А что касается обета новых храмов, то это в лучшем случае просто привычка, сформировавшаяся в более благочестивые дни; религия двигалась благодаря импульсу, полученному во время Второй Пунической войны, и боги, которым возводились эти храмы, были на самом деле греческими богами под римскими именами. Одним словом, государственная религия с каждым днем не только приобретала все более определенную форму, но и была греческой, а не римской. Очень интересно проследить это движение в деталях, заглянуть за внешние проявления и увидеть поразительные изменения, которые происходили на самом деле.

Если мы посмотрим на храмы, построенные в годы после Второй Пунической войны, то без труда найдем примеры введения греческих богов под римскими именами. Во время самой

войны, в 207 году до н. э., один римский полководец воздвиг храм Ювентас по случаю битвы близ Сиены. Ювентас была старой римской богиней, одним из тех абстрактных божеств, которые возникли в результате разрыва и превращения в независимый культовый титул. Она была тесно связана с Юпитером и имела особое святилище в Капитолийском храме. Ювентас был божественным представителем отбрасывания детских вещей и принятия на себя ответственности и привилегий молодого человека. Этот акт символизировался римлянами в красивой церемонии надевания тоги мужественности (*toga virilis*), когда юноша велся отцом в Капитолийский храм, чтобы принести жертву Юпитеру, и одновременно делался взнос в сокровищницу Ювентас. Но это была не та богиня, в честь которой в Сиене был построен храм у Цирка Максима и посвящен 191 году до нашей эры. Эта Ювентас была не более и не менее чем греческой Гебой, женским аналогом Ганимеда, чашечницей богов. Точно так же в 179 г. до н. э. был посвящен храм Диане в цирке Фламиния, но это была не старая богиня из Ариция, культ которой Рим принял ради усиления своего влияния в Латинской лиге. Это была греческая Артемида, которая при своем первом появлении в Риме была связана с Аполлоном в храме, построенном в 431 году до н. э., а теперь получила свой собственный храм. Возможно, самым странным из всех является храм, возведенный Марсу в Кампус Мартиус в 138 году до нашей эры. Можно было бы предположить, что римляне будут свято чтить предполагаемого отца своей расы, бога, которому при Юпитере был обязан своим успехом. Напротив, в 217 г. до н. э., когда они проводили греческую церемонию пира для множества богов, разделенных на пары, они без колебаний объединили Марса и Венеру, чтобы представить греческую пару Ареса и Афродиты, тем самым совершив насилие над Марсом, поставив его в отношения с Венерой, которые были совершенно чужды староримской мысли, и отождествив его с Аресом, с которым он не имел ничего общего. В 138 году до н. э. Аресу был построен храм под названием Марс, рядом с почтенным алтарем Марса, одним из самых древних и священных римских святилищ.

Но эта страсть к отождествлению греческих богов с римскими не ограничилась поиском параллели для великих богов Греции; менее известные божества были введены в Рим таким же образом. Старый римский бог Фавн, в честь которого ежегодно отмечался древний праздник *Луперкалии*, имел в качестве своей помощницы богиню Фавну, которая была более известна как "добрая богиня" (*Bona Dea*). Со временем новый титул Бона Деа вытеснил старый титул Фауны, так что он был почти полностью забыт. Бона Деа была женской богиней, и самой характерной чертой ее поклонения было исключение мужчин из участия в нем. Существовала греческая богиня по имени Дамия, тоже женская богиня, из культа которой также исключались мужчины, и ее культ распространился из Греции в греческие колонии Южной Италии, особенно в Тарентум, и в конечном итоге в Рим. Но к тому времени, когда она прибыла в Рим, связь Фавна и Бона Деа была полностью забыта. Дамия, несомненно, была Бона Деа, да, она *была* Бона Деа, ведь доказательством тому служит тот факт, что мужчины были исключены из обоих культов? Поэтому ей был построен храм, вероятно, вскоре после Второй Пунической войны, и с тех пор никто больше не вспоминал о бедной Фауне, кроме ученых и поэтов, которые, как водится, развлекались тем, что ставили ее в различные генеалогические отношения с Фавном, как сестру, жену или дочь, в то время как Дамия жила и процветала под украденным титулом Бона Деа.

Отсюда мы видим, на каком незначительном сходстве основывались такие отождествления, в данном случае просто на наличии аналогичного незначительного предписания в законах каждого культа. Но здесь мы имеем, по крайней мере, подлинный культ, который прибыл и просит о приеме, и в этом отношении мы лучше, чем в большинстве случаев, когда идентификация ничего существенного не давала. В этом слиянии греческих и римских богов теперь помогали две силы: искусство и литература. Взятие Сиракуз ознаменовало эпоху в

художественной карьере Рима; в течение нескольких столетий она нанимала греческих архитекторов и знакомилась с художественными типами некоторых греческих богов, но теперь перед ней сразу открылось богатство греческой скульптуры, и она не могла успокоиться, пока все ее боги не были представлены в человеческой манере. Перенять греческий тип в тех случаях, когда идентификация уже была проведена, было несложно и в основном успешно, хотя за этим почти неизбежно следовало обогащение греческого элемента в римском боге из-за присутствия в статуе какого-то атрибута, который приносил с собой свой собственный миф. Но были и такие римские боги, для которых нельзя было найти греческих параллелей, и в этих случаях приходилось искать компромисс, обычно довольно неудобный, как, например, когда римские боги кладовой, *Ди Пенаты*, были представлены статуями греческих Кастора и Поллукса. В таких случаях обязательно возникала путаница, и последующие антиквары были склонны писать трактаты, доказывающие изначальную связь Кастора или Поллукса с Пенатами, как богами защиты в целом и т. д. Литература тоже по-своему была полностью введена в заблуждение, и римские ученые увлеклись лабиринтами александрийской мифологии и тут же начали как можно быстрее создавать римские мифы, составляя списки старых латинских королей и всевозможные генеалогии, а также вплетая как можно больше греческих мифологических фигур в легенды об основании итальянских городов.

Однако именно церемониал культа чаще всего был лучшим средством идентификации, как мы видели выше в случае с *Bona Dea-Damia*, где исключение мужчин из обрядов было главной точкой схождения. Подобным образом древнеримский бог урожая Консус был отождествлен с греческим богом океана Посейдоном, поскольку конные скачки были характерной чертой праздников каждого из них; а древнеримская богиня женщин и родов получила в качестве греческой параллели греческую богиню Лейкотею, помощницу тех, кто подвергается опасности на море, поскольку в обоих случаях рабам было запрещено принимать участие в культе.

Но эффект от захвата Рима этими греческими богами и греческими церемониями не ограничивался простым добавлением новых идей и трансформацией некоторых старых римских божеств. Это было бы сравнительно безвредно, но неизбежен был другой результат: последующее забвение всех римских божеств, которым не было найдено греческих параллелей, и забвение всех первоначальных римских идей, которые были отеснены на задний план новыми и более яркими греческими идеями. Даже к праздникам старого римского года относились так же бесцеремонно. Интерес людей сохранялся только к тем церемониям, которые их пугали или радовали. Были некоторые праздники, например, *Луперкалии*, старая церемония очищения 15 февраля, к которой все еще относились с благоговением; и другие, такие как *Парилия*, день рождения Рима, 21 апреля или праздник Анны Перенны 15 марта, которые включали в себя празднования под открытым небом и пикники. Эти и подобные им праздники всегда поддерживались, в то время как многие другие были полностью заброшены. Естественно, что в настоящее время формы продолжались государством, праздники отмечались, по крайней мере, жрецами, и каждый храм получал жертву в свой день рождения. Колеса государственной религии все еще работали, но сила, стоящая за ними, остановилась, и только импульс поддерживал их в движении.

Только осознав все это, мы можем понять, как могло случиться, что самые ученые ученые на закате республики были так отчаянно невежественны в вопросах древнеримской религии. В отношении многих старых римских богов они не знают абсолютно ничего и пытаются замаскировать свое невежество за демонстрацией образованности, основанной на

этимологической ловкости рук; в отношении остальных их информация настолько спутана с греческими идеями, что зачастую почти невозможно распутать эту массу и отделить старое от нового. Это распутывание было утомительным занятием последних полувеков в изучении римской религии; и так терпеливо и успешно оно было выполнено, что, хотя мы отдали бы почти все за несколько книг *"Божественных древностей"* Варро, можно с уверенностью сказать, что обладание этими книгами ничуть не изменит фундаментальных концепций, лежащих в основе современного построения древнеримской религии; Хотя столь же несомненно, что эти книги еще сильнее подчеркнули бы то, что мы уже осознаем: современная реконструкция находится в явном противоречии со многими излюбленными теориями Варро. Это достижение, которым история вполне может скромно гордиться, что современные ученые смогли в значительной степени устранить из высказываний величайшего ученого римской античности личные пристрастия и близорукое влияние его собственного времени, и таким образом, несмотря на то, что Варро владел лишь небольшим процентом известных ему фактов, прийти к концепции всего вопроса, бесконечно более правильной, чем та, которую содержали его книги.

Таким образом, в течение второго века до Рождества Христова государственная религия оставалась неизменной в том, что касалось внешней формы. Терминология и обряды были такими же, как и раньше, но содержание было совершенно иным: Греческие боги и греческие идеи вытеснили римских богов и римские идеи, и официальные представители религии, государственные жрецы, несли все бремя поклонения на своих плечах, потому что народный интерес был в основном отклонен и работал по другим линиям. Этими конкурирующими линиями были суеверие и скептицизм, явления, которые на первый взгляд кажутся отдельными противоположностями, но которые, напротив, очень близки, так что они обычно встречаются вместе не только в одну эпоху, но часто даже у одного и того же человека. Это чисто относительные понятия, и суть суеверия заключается в его избыточном элементе, так же как суть скептицизма - в его недостатке. Ни одна религия, рассматриваемая с точки зрения верующего, не может быть правильно названа суеверием, но если однажды мы можем установить существенные вещи в религии, то любое большое дополнение к этим существенным вещам смахивает на суеверие. Поэтому, говоря с исторической точки зрения, мы не имеем права называть раннюю римскую религию суеверием - она, конечно, может быть относительно таковой по сравнению с другими религиозными формами, - но после того, как мы установили основные элементы этой ранней религии, мы можем рассматривать введение новых и совершенно иных элементов как суеверие. Старая религия Рима заключалась в точном и скрупулезном выполнении большого количества мельчайших церемоний. Результатом такого тщательного исполнения ритуалов было то, что силы, окружающие человека, не причиняли ему вреда, а наоборот, приносили пользу, и на этом все заканчивалось. Религия не предписывала и даже не разрешала специально исследовать эти силы; человек не только не должен был пытаться познать богов, но и обязан был стараться этого не делать. Под влиянием Греции в Рим пришла совершенно новая идея, во многом подпитываемая сивиллиными книгами и наиболее полно представленная в Magna Mater, идея о вечном служении богу, посвящении ему, исключаящем все остальное, и жизни, отданной оргиастическому исполнению культовых действий, которые вызывают состояние экстаза и, следовательно, общение с божеством. К этому добавилась вера в возможность с помощью определенных книг и определенных людей получить от богов знание будущего. Именно эти избыточные верования, совершенно противоречащие духу древнеримской религии, по праву можно назвать суеверием.

Сивиллины книги пробудили эти чувства, знание оракула в Дельфах усилило их, обряды Эскулапия продвинули их дальше, но только приходом Magna Mater они, кажется, вырвались

наружу в сколько-нибудь значительной степени. Но помимо быстрого роста самого культа Magna Mater во втором веке мы имеем два примера такой тенденции. Первый связан с богом Дионисом-Либером, достаточно невинным при его первом приеме в 493 году до н. э. в компании Деметры-Кереса и Коре-Либера. Конечно, государство представило его просто как бога вина, но мистический элемент в Дионисе прочно вошел в частное поклонение, и вакхические клубы или общества начали распространяться по всей Италии. Примерно за три столетия они превратились в грозную угрозу для нравственности и даже физической безопасности жителей Рима. Их собрания вместо трех раз в год проходили пять раз в месяц, и, наконец, в 186 году до н. э. состоялся знаменитый суд над вакханалиями, о котором так красочно рассказывает Ливий (Вк. xxxix.) и о котором так красноречиво свидетельствует сохранившаяся до наших дней копия надписи декрета сената, предусматривающая суровые наказания для последующих нарушителей и признающая, с другой стороны, большую свободу совести.

Та же любовь к тайнам и жажда знаний, которая породила вакхические клубы, оказала теплый прием астрологии и заставила людей с жадностью слушать тех, кто мог предсказать их судьбу или направить их жизнь с помощью звезд. Мы не знаем, когда носители этих знаний впервые прибыли в Рим, но Катон в своем *"Альманахе фермы"*, самом раннем произведении прозаической литературы, излагая правила поведения фермерского пристава, особенно настойчиво советует землевладельцу, чтобы его пристав не прибегал к консультациям халдейских астрологов. За полвека проблема халдеев стала настолько серьезной, что потребовалось вмешательство государства, и в 139 г. до н. э. претор Кн. Корнелий Гиспалус издал эдикт, предписывающий халдеям покинуть Рим и Италию в течение десяти дней.

Та же эпоха, которая породила этот рост суеверий, принесла и противоядие от них в виде скептической философии, но беда была лишь в том, что эта философия не только излечила суеверия, но и убила подлинный религиозный дух, лежащий в их основе. Она, конечно, изгнала семь дьяволов суеверия, но когда люди снова вернулись к себе, они обнаружили, что весь их духовный дом выметен и обставлен. Со смертью непосредственных учеников Аристотеля греческий разум решил все философские проблемы, которые человек в то время был в состоянии представить. Последующие поколения философов посвящали себя либо разработке деталей, либо повторному исследованию основ веры, в результате чего их меньшие умы приходили к меньшим выводам, а конец их исследований сводился к усилению скептицизма. Школы того времени имели множество незначительных различий и носили разные названия, но все они сходились в том, что в большей или меньшей степени были проникнуты скептическим духом и делали акцент на этике в противовес метафизике, хотя и определяли этику по-разному в зависимости от своей отправной точки.

Однако одним из самых ранних философских влияний, достигших Рима, было влияние досократовской школы, школы Пифагора. Это само по себе естественно, поскольку штаб-квартира школы находилась в Южной Италии, но любопытно и знаменательно, что первый ярко выраженный пример ее влияния произошел вскоре после Второй Пунической войны и был связан с ловким мошенничеством, которое было совершено с целью повлиять на религию. В 1600 году до н. э. 181 некий человек сообщил, что когда он пахал свое поле, лежавшее на другом берегу Тибра, у подножия Яникула, плуг обнажил два каменных саркофага, крепко запечатанных свинцом и снабженных надписями на греческом и латинском языках, согласно которым они якобы содержали: один - тело царя Нумы, другой - его труды. Когда их открыли, тот, что должен был содержать тело, оказался пуст, в другом лежали два свитка, каждый из которых состоял из семи книг; один из семи свитков был

написан на латыни и касался папского права, другой состоял из философских трудов. Они были рассмотрены, признаны еретическими и подрывающими истинную религию, и, соответственно, сожжены в Комиции. Связь Нумы и Пифагора, исторически невозможная, но в которую верили в это время, делает практически несомненным, что это была ловкая попытка внедрить философию Пифагора в Рим под священной санкцией имени Нумы. К счастью, ревность городского претора сорвала эту затею. Но философские доктрины, которым не удалось войти в дверь религии, обнаружили, что дверь литературы широко открыта для них. По иронии судьбы Катон, стойкий враг греческого влияния, привез с собой из Сардинии поэта Энния, и примерно в то время, когда в Комиции горели поддельные книги Нумы, Энний подарил миру латинский перевод *Священной истории* грека Эвгемера. Этот Эвгемер, сицилиец, живший примерно за столетие до этого времени, заслужил славу, написав роман о приключениях и путешествиях, в котором описал путешествие по Красному морю вдоль побережья Аравии к чудесному острову Панхей, где он нашел колонну с надписью, повествующей о жизни Ураноса, Кроноса и Зевса, которые, как было показано, были историческими персонажами, впоследствии возведенными в божества. Именно этот теологический элемент в его книге сделал его знаменитым. Эта теория исторического происхождения богов и сегодня называется эвгемеризмом и оказывает пагубное влияние на писателей-мифологов со времен ее автора и до наших дней. Таковы были доктрины, которые Энний изложил римлянам на их родном языке, и жалко осознавать, что его *"Священная история"* стала первым официальным трактатом по теологии, которым когда-либо обладал Рим. Рожденный под такой злой звездой, неудивительно, что ее теологические спекуляции никогда не достигали больших метафизических высот.

В эти дни сенату показалось, что вопрос о философии становится настолько серьезным, что его можно рассматривать как общественную опасность, и что поэтому их долг - попытаться справиться с ним. Разумеется, они выбрали типично римский метод решения подобных вопросов, и философы были изгнаны из Рима. Сначала, в 173 г. до н. э., были изгнаны только эпикурейцы, но в 161 г. до н. э. эдикт был расширен, и в него были включены философы в целом. Однако шесть лет спустя, в 155 году до н. э., в Рим прибыло посольство философов, чья миссия была явно политической, а не философской, и которых, таким образом, нельзя было исключить, хотя в то же время они пользовались случаем, чтобы проповедовать свои философские доктрины. К счастью для Рима, стоицизм, лучший среди всех этих философий, пришелся ей по душе и стал национальной философией Рима. Стоицизм во многих отношениях был таким же скептиком, как и другие, но у него было, по крайней мере, то большое преимущество, что он делал сильный акцент на этике и был способен стать руководством для жизни. Возможно, грекам, чья агрессивная работа в мире была уже закончена, было бы неплохо дожить до старости с теорией жизни, которая практически исключала возможность сильных решительных действий, но Рим был еще молод, и большая часть его работы была еще впереди. Она могла считать себя очень старой и притворяться, что испытывает особый восторг от многих более упадочных форм греческой мысли, но в действительности ее лидеры инстинктивно обращались к стоицизму, как к компромиссу между бездумной активностью молодости, которая действует ради любви к действию, и избитой философией о тщете всех усилий. Примерно в середине века (около 150 г. до н. э.) в Риме существовал центр культуры и интеллектуального влияния, небольшая группа людей, особенно интересных, потому что они представляют собой практически первый пример интеллектуального кружка в истории Рима. Их лидером был младший Сципион, соратниками которого были его друг Лаэлий, поэт Луцилий, чьи блестящие произведения, затопленные более блестящими сатирами Горация, составляют одну из самых прискорбных потерь в римской литературе, и стоический философ Панаитий Родосский. Теренций также принадлежал к этому кругу, но теперь он умер. Стоицизм был закланной философией этих

людей, и их влияние, особенно Панаития и Луцилия, во многом способствовало популяризации выбранного ими философского вероучения.

Хотя стоицизм утверждал превосходство над религией и показывал невозможность придания какой-либо ценности религиозному знанию, он признавал необходимость религии для простых людей, исходя из соображений целесообразности, и обеспечивал примирение между отрицанием религии, с одной стороны, и ее признанием, с другой, утверждая, что государственная религия оправдана не только целесообразностью, но в гораздо большей степени тем, что она, в конце концов, была лишь изложением истин стоицизма в форме, понятной для низших классов. Если бы эта группа Сципиона и его единомышленников постаралась подчеркнуть эти конкретные доктрины стоицизма по отношению к религии, то падению государственной религии, которое произошло в следующем веке, можно было бы воспрепятствовать. Но по причинам, которые мы увидим через некоторое время, этот крах не удалось предотвратить, и сомнительно, что влияние какой-либо философской системы, даже поддержанной такими выдающимися людьми, могло бы заметно отсрочить катастрофу. Пока же единственным заметным вкладом стоицизма в проблему религии было развитие под его влиянием идеи "двойной истины", одной истины для интеллектуальных классов и одной для простого народа, достигшей своей кульминации во фразе "Государству целесообразно быть обманутым в вопросах религии" (*expedit igitur falli in religione civitatem*). Таково было отношение к религии самых интеллектуальных людей общества в начале того, что во многих отношениях было самым ужасным периодом в истории Рима.

Последний век до Рождества Христова (точнее, 133 - 27 гг. до н. э.) - это история того, как Рим стал империей, потому что больше не мог быть республикой; это история роста власти одного человека, потому что власть многих людей стала невозможной. Этот рост был вызван не только и даже не столько хватким характером государственных деятелей Рима, сколько ростом сброды и, как следствие, неуправляемостью его населения, если только оно не находилось под твердой рукой одного хозяина. И причина, по которой потребовалось сто лет гражданских войн, чтобы превратить республику в империю, не в том, что дух республики умирал так медленно, что его предсмертная борьба заполнила целый век, а просто в том, что республика умерла слишком легко, а путь к единоличной власти был так прост, что кандидатов на эту должность было слишком много, отсюда и гражданские войны между ними. Эти гражданские войны должны были продолжаться до тех пор, пока горькие уроки опыта не научат людей не только тому, как получить верховную власть, что было относительно легко, но и тому, как удержать ее и отстранить соперников, что было гораздо сложнее. Амбициозным лидерам этого века не нужно было создавать трон - он был готов к их услугам. Их задача состояла лишь в том, чтобы поставить вокруг него защиту. Но даже эта защита была направлена не непосредственно против народа, поскольку у народа не было желания свергнуть трон, а лишь против соперничающих кандидатов. Шаг за шагом от Тиберия Гракха к Гаю Гракху, затем к Марию, Сулле, Помпею, Юлию Цезарю владение становилось все более и более постоянным; пока из простого сиюминутного положения оно не превратилось в девять пунктов закона, а Октавиан сделал это владение совершенным, добавив к своей персоне почти религиозное почитание в титуле *Августа*.

В основном внешние войны второго века до Рождества Христова уступили место гражданской войне внутри страны, но было и одно исключение - война с Митрадатом, царем Понта, который в начале века по разным поводам уводил большие массы римлян на Восток. И как бы в дополнение к этим знаниям о Востоке, в последней половине века поле гражданской борьбы было расширено так, что оно также включало Восток и Юго-Восток. Мы уже видели так много примеров влияния политических событий на ход римской религии, что

для нас не является сюрпризом тот факт, что обе эти борьбы, гражданская и восточная, оставили свои следы на религии. Было бы гораздо удивительнее, если бы они этого не сделали. В борьбе соперников внутри страны использовалось все возможное оружие, и вскоре выяснилось, что священники и религиозные атрибуты являются прекрасным средством политической власти и влияния. Таким образом, государственная религия оказалась поработанной политикой. С другой стороны, благодаря походам на Восток солдаты, а в конечном итоге и все население, познакомились с различными восточными божествами, что помогло удовлетворить их тягу к сенсационному и суеверному. Таким образом, в то время как государственная религия в ее развратном состоянии теряла влияние, оргиастический элемент в поклонении набирал силу благодаря этим вновь приобретенным восточным культам. История религии последнего века республики - это, соответственно, история контроля государственной религии политикой и ее последующего разрушения, и роста суеверий из-за прихода новых восточных культов; и мы можем добавить к этим двум темам третью: жалкие попытки философии вдохнуть новую жизнь в мертвую религию государства.

Когда речь заходит о человеческих персонажах, чьи имена крупно написаны на этой странице религиозной истории, Диктатор Луций Корнелий Сулла возвышается над всеми остальными. Его политической проницательности в значительной степени обязано то, что государственная религия была запряжена в колесницу политика, сейчас и в будущем; именно он был главным предводителем римских армий на Востоке и человеком, который, в силу своего суеверного характера, поощрял поклонение странным божествам, которые там встречались. В обоих этих направлениях его умело поддержал Помпей, спустя полпоколения. С другой стороны, тщетные попытки философии улучшить ситуацию были вдохновлены в более ранний период главным жрецом Сказволей, современником Суллы, а во времена Помпея и Цезаря - Варро, величайшим ученым, которого когда-либо создавал Рим.

Проследим сначала судьбу государственной религии в руках политиков. Высшие и влиятельные слои римского общества были теперь основательно пропитаны стоической философией и, соответственно, доктриной "двойной истины" в области религии - настоящей философской истины, которая была их собственным достоянием и которая ясно показывала им, что все формы религии тщетны, а ее доктрины в лучшем случае являются неуклюжим изложением в окольных притчах истины, которую они видели лицом к лицу; И эта низшая "истина", предназначенная для масс и продиктованная давлением необходимости, конкретная государственная религия во всех ее деталях, которая должна быть сохранена среди низших классов в интересах государства и общества. Таким образом, государственная религия была вопросом целесообразности и полезности. Но как только на первый план выдвигалась идея ее полезности, естественно, что сразу же возникал вопрос: А так ли уж полезна эта государственная религия, как могла бы быть? Нельзя ли использовать ее с большей пользой? Если религия вообще существует для того, чтобы оказывать политическое воздействие, то почему она не должна использоваться человеком, как и любой другой политический аппарат, для его собственного индивидуального развития? Человеком, к которому эта идея пришла первой во всей своей полноте, был Сулла, и он немедленно приступил к ее реализации. Контроль над религией, конечно, лучше всего осуществлять через жречество, и, естественно, наибольшего внимания заслуживали те жрецы, которые обладали наибольшим правом вмешательства в государственные дела. Такими жрецами были: во-первых, авгуры с их традиционным правом разгонять собрания и объявлять законодательные акты недействительными; затем понтифики с их общим контролем над всеми спорными вопросами, касающимися пересечения божественного и

человеческого права; и, наконец, XVviri, или хранители сивиллиных книг, отвечавшие также за культы, которые породили оракулы. Соответственно, он увеличил численность этих трех жреческих коллегий, доведя каждую из них до пятнадцати человек; а поскольку старое право жреческих коллегий самим заполнять вакансии в своих органах было отнято у них в 103 году до н. э., и теперь вакансии заполнялись путем народного голосования, ему не составило труда заполнить новые должности своими людьми.

Результатом усиления политической значимости этих трех коллегий стало то, что вся государственная религия прониклась политическим духом, а вся структура была перестроена в соответствии с этой новой оценкой. Непосредственным следствием этого стало то, что сами жрецы полностью погрузились в политику. Конечно, Сулла не был ответственен за все это, потому что тенденция была в этом направлении еще со времен Пунических войн. В старые добрые времена римской религии должность жреца в основном была сама по себе наградой, и хотя жрецы ни в коем случае не составляли отдельного класса, а у отдельного жреца было много светских интересов, а иногда и политических, он не должен был занимать политические должности. Однако во времена Пунических войн ситуация начала меняться. Самый ранний зафиксированный случай, когда жрец занимал высокий политический пост, относится к 242 году до н. э., когда Flamen Martialis или специальный жрец Марса был избран консулом; но когда этот господин начал отправляться на войну, ему запретил Pontifex Maximus. В 200 г. до н. э. Flamen Dialis, или специальный жрец Юпитера, был разрешен к избранию эдилом, но его брат должен был получить особое разрешение на принесение присяги вместо него, поскольку жрец Юпитера, бога клятв, сам не имел права приносить присягу. В течение следующего столетия такие случаи становились все более распространенными, и там, где это не разрешалось, священство становилось непопулярным, а иногда и вовсе оставалось вакантным. Так произошло, например, в случае с Фламинием Диалем, должность которого оставалась незанятой с 87 до 11 года до н.э. Но дурные последствия политики не ограничивались опустошением некоторых жреческих должностей, которые, в конце концов, не имели большого значения, за исключением того, что их присутствие поддерживало мораль старого религиозного ритуала. Его последствия были гораздо более катастрофическими в отношении очень важных жреческих должностей, которые теперь стали по сути политическими. Исключительно политические интересы действующих должностных лиц в сочетании с тем фактом, что каждый человек избирался общим голосованием народа, без какого-либо особого соответствия занимаемой должности, как это было в старые времена, привели к разрушению всех традиций колледжа и, таким образом, к уничтожению знаний, которые передавались в основном устным путем. Поэтому возникло невежество в ритуалах культа, которое было велико ровно настолько, насколько точными и глубокими были первоначальные знания. Но и это было еще не все: составление годового календаря с его сложными интеркаляциями дней для приведения в гармонию солнечного и лунного годов все еще находилось в руках жрецов, и здесь результаты их растущего невежества были наиболее ужасающими. Календарь стал ужасно неупорядоченным, и это снова отразилось на религии, так как календарный месяц иногда настолько не соответствовал естественным временам года, что стало невозможно отмечать некоторые из старых римских праздников, которые имели четкое отношение к определенным временам года.

Таким образом, самыми большими врагами религии государства стали его собственные домашние, жрецы, которые превратили благоговейный формализм былых времен в насмешку и сделали свое священство всего лишь средством политического влияния.

Теперь, когда старые римские боги сменились новомодными греческими богами, а старое римское жречество - современными политическими клубами, неудивительно, что религия отцов перестала удовлетворять их потомков. Но хотя история показывает, что конкретные религиозные верования часто оказывались смертными и подверженными изменениям и упадку, та же история ясно показывает, что религиозный инстинкт является постоянным фактором в человечестве; и мы не должны ни на минуту предполагать, что религиозная потребность римской общины перестала существовать только потому, что религия государства перестала ее удовлетворять. С того дня, когда Сибилла дала Риму свои первые оракулы, и до времен Суллы желание сенсационного и необычного в религии неуклонно росло. Оно зародилось в идее, что существует такое понятие, как непосредственное общение с божеством, и что оракулы являются непосредственным повелением от него. Ее подпитывало ощущение чужеродности греческих церемоний, постепенно внедрявшихся в культ. Оно питалось более сенсационными аспектами некоторых из привнесенных богов: восторженными обрядами Вакха, чудотворством Эскулапия, стигийской мистерией Диды и Прозерпины. Но его воплощение должно было прийти с Востока, этого неиссякаемого источника религиозной энергии. В Magna Mater он узнал свою собственную. Это был первый неразбавленный ориентализм, пришедший в Рим. Но само государство приняло его и каким-то непостижимым образом сумело наложить на этот диковинный восточный культ печать римской национальности, ту печать, которой ни одна нация никогда успешно и долго не сопротивлялась; И таким образом, принятие культа государством было не только позорным, ведущим к деградации истинной религии и распространению заразы ориентализма, но и заставляло тех, чей аппетит был возбужден, стремиться к другим божествам, чей культ имел бы большое дополнительное очарование, будучи нелегализованным государством и, следовательно, смакуя беззаконие.

Такой культ, долгое время полуосознанно желанный, был наконец найден, когда в 92 году до н. э. римские солдаты под командованием Суллы проникли в долину Комана в Каппадокии. Там была целая община, миниатюрное государство, посвященное служению богине, не похожей на Великую Мать Пессина, но чей культ был более экстастическим, более оргиастическим, чем культ Magna Mater, по крайней мере, в том виде, в каком ее знал Рим. Царь был главным жрецом, а граждане - жрецами и жрицами. Война с Митрадатом снова привела римскую армию туда, а также в другую Коману в Понте, где существовало ответвление каппадокийского культа. Увиденное произвело впечатление не только на невежественных солдат; их предводитель Сулла был поражен не меньше, и по возвращении в Италию, когда наступил великий кризис в его карьере - поход на Рим и штурм Вечного города, - именно богиня Комана явилась ему во сне и придала мужества. Так ее культ вошел в Рим, и захват города Суллой имеет свою параллель с захватом сердец народа его спутницей, богиней Команой. Первоначальное имя этой богини, по-видимому, было Ма, но греки, которые также знали ее, уподобили ее Энио, своей богине раздоров и войн; поэтому в эти дни легкой идентификации римлянам было ясно, и она сразу стала Беллоной, названной по имени их старой богини войны. Из всех глав истории подобных отождествлений ни одна не является более любопытной, чем эта. Старая Беллона имела к Марсу то же отношение, что Фидес, богиня доброй веры, к Юпитеру. Она была результатом отдельного обожествления одного из качеств Марса, отрыва прилагательного и превращения его в существительное; но отныне, хотя старая богиня все еще существовала и имела свой храм и свое поклонение, это имя стало применяться и к этой странной восточной богине, пришедшей в сопровождении развратной римской армии после ее возвращения с Востока. Но хотя люди могли называть эту новоприбывшую богиню именем старой священной национальной богини и поклоняться ей в частном порядке, как им заблагорассудится, религия государства, даже в его погруженном состоянии, отказывалась признать ее среди своих божеств, и жрецы,

фанатики, с их дикими танцами, под музыку цимбал и труб, рубя себя двойными топорами до крови, не были, по крайней мере пока, официальными представителями государства, спутниками преподобных старых салиев с их достойным "трехшагом". Даже святилища частного культа должны находиться за пределами города, и нарушение этого закона в 48 г. до н. э. привело к налету и разрушению одной из таких частных часовен. Похоже, что ее культ стал государственным делом только в начале третьего века нашей эры, когда Каракалла, распространивший римское гражданство на всех жителей провинций, предоставил аналогичное гражданство всем иностранным божествам, проживающим в Риме. Любопытно совпадение, что эта акция Каракаллы произошла примерно в том же году н.э., в котором произошла отмена *pomerium* для государственных культов до н.э. Однако в настоящее время, то есть в I веке до н.э., государство сохранило свое достоинство, хотя в результате неортодоксальный характер культа увеличил его силу и влияние и сделал его более разрушительным для нравственности, чем это было в Magna Mater.

Еще более интересный пример популярности сенсационных иноземных культов и борьбы с ними государственной религии можно найти в случае с египетской богиней Исидой. Распространение культа Исиды в греческом, а следовательно, и в римском мире началось сравнительно рано. В третьем веке Исида и ее спутник Серапис прочно обосновались на острове Делос, а во втором веке мы находим следы их поклонения в Кампании, особенно в Помпеях и ПUTEОЛАХ. Это последнее место, морской порт ПUTEОЛИ, современный ПОЦЦУОЛИ, недалеко от Неаполя, вероятно, был дверью, через которую Исида и ее поезд прибыли в Италию. ПUTEОЛИ был главным портом для восточных кораблей, в том числе египетских, а также имел торговые связи с Делосом. В этот поздний период он снабжал Рим богами примерно так же, как Кумы, расположенные в том же районе, за много веков до этого. Что касается самого Рима, то, по всей видимости, достоверная традиция относит частный культ ко времени Суллы; и он, конечно, не мог быть введен намного позже этого времени, поскольку в 58 году до н. э. он стал настолько заметным и оскорбительным для властей государства, что они разрушили алтарь Исиды на Капитолии. Видимо, Исида не стала исключением из общего закона роста гонений, потому что в течение следующего десятилетия государство сочло необходимым вмешаться не менее трех раз, а именно в 53, 50 и 48 годах до нашей эры. Наконец, политика подавления оказалась настолько неэффективной, что было решено попробовать противоположную крайность и посмотреть, что можно сделать с помощью государственного признания и государственного контроля, и триумвиры, Октавиан, Антоний и Лепид, в 43 году до н. э. постановили построить государственный храм для Исиды. Но хотя они и постановили возвести храм, они были слишком заняты собственными делами, чтобы построить его немедленно, и пока храм не был построен, Исида не могла считаться государственным богом. Как оказалось, храм так и не был построен, потому что в течение следующих нескольких лет начались неприятности с Антонием и Клеопатрой, и таким образом боги Египта стали богами врагов Рима, и для государства признание этих богов было невозможно. Вместо этого Август запретил даже частные часовни внутри *помериума*. Дальнейшая история Исиды нас напрямую не касается, достаточно сказать, что после различных перипетий она была принята в государственный культ Каракаллой вместе с другими иностранными божествами.

Но не только Малая Азия и Египет отдали свои культы Риму; божества Сирии тоже приехали. Среди них выделялась Атаргатис, культ которой, по-видимому, впервые коснулся материковой Италии в ПUTEОЛАХ. В 54 г. до н. э. армия Красса во время своего восточного похода, которому суждено было закончиться столь трагическим поражением при Каррахе, посетила и разграбила святилище богини в Сирии. Так она стала известна в Риме, где ее

называли просто "сирийской богиней" (*dea Syria*) и поклонялись ей примерно так же, как *Magna Mater* и Беллоне.

Наконец, когда Помпей очистил Средиземное море от киликийских пиратов, моряки познакомились с персидским божеством Митрой, культ которого в Риме начался в наш период и впоследствии вытеснил все остальные оргиастические культы.

Мы увидели, как политики превращали государственную религию в инструмент для достижения своих корыстных целей, а народные массы искали удовлетворения своих религиозных потребностей в сенсационных иноземных культах, привезенных из Малой Азии, Египта, Сирии и Персии. Теперь мы должны выяснить, прилагал ли кто-либо из членов общины усилия к сохранению старой религии и сохранились ли следы чистого древнеримского культа.

Греческая философия последнего времени нанесла сильный удар по римской религии, убедив интеллектуальные слои общества в том, что в природе вещей не может быть такого знания, как то, на котором основана религия, а значит, религия - пустая вещь, недостойная интереса настоящего человека. Однако вся философия мира не могла отнять у римлянина чувство долга перед государством. Теперь государство на своем опыте убедилось, что религия настолько необходима, что создало формальную систему и сделало ее частью себя. Поскольку долг гражданина состоял в том, чтобы поддерживать государство во всех сферах его деятельности, то, очевидно, его долг состоял в том, чтобы поддерживать государственную религию. Отсюда возникло то грубое противоречие, которое существовало в Риме в значительной степени до тех пор, пока преобладали эти конкретные философские системы, между долгом, который человек, как мыслящий человек, должен был выполнять перед самим собой, и долгом, который он, как хороший гражданин, должен был выполнять перед государством. Мы видели, как во втором веке до Рождества Христова не было сделано ни одной попытки примирить эти два взгляда и как они существовали бок о бок, например, у такого человека, как Энний, который написал несколько трактатов, воплощающих самые необычные скептические доктрины, и несколько патриотических поэм, в которых весь аппарат римских богов выставлен напоказ и с большим почтением к ним относится. Мы также видели, как эта "двойная истина" не могла не оказать пагубного влияния на государственную религию, несмотря на все усилия, направленные на обратное. Первая попытка, предпринятая для улучшения ситуации, была не столько попыткой примирения, сколько откровенным изложением трудностей дела. Проблема значительно продвинулась к решению, когда однажды она была четко сформулирована. Человеком, которому хватило смелости сделать такое заявление, был Квинт Муций Скаэвола, знаменитый юрист, а также глава коллегии понтификов (*Pontifex Maximus*). Он был современником Суллы и прекрасно подходил для этой задачи, поскольку не только представлял религию в качестве *Pontifex Maximus*, но и мог говорить от имени государства как теоретически, как юрист, так и практически, поскольку занимал почти все важные политические должности (консул, 95 г. до н.э.). Трактат, в котором он излагал свои мысли, до нас не дошел, но мы можем получить представление о том, что он говорил, из цитаты христианского писателя Августина в его замечательной книге *"Град Божий"* (iv. 27). Для Скаэволы двойная истина Энния переросла в тройную, и существует не менее трех различных религий: религия поэтов, философов и государственных деятелей. Религию поэтов, под которой он понимает мифологическое отношение к богам, он осуждает как никчемную, потому что она рассказывает о богах много неправды и совершенно недостойна их. Религию философов он не считает подходящей для государства, потому что она содержит много лишнего, а кое-что и вредного. Лишнее можно пропустить, но вредное, под которым он, очевидно, подразумевает доктрины Эвгемера, -

дело очень серьезное, и не потому, что они не соответствуют действительности, а потому, что знание их нецелесообразно для масс. Религия государственного деятеля не может иметь к ним никакого отношения, даже если они истинны; а человек как гражданин государства должен верить во многие вещи или исповедовать веру в них, о которых тот же самый человек, как индивидум и философ, знает, что они ложны. Честная и благонамеренная попытка Скаэволы поддержать государственную религию, естественно, потерпела неудачу. Те самые "массы", от имени которых Скаэвола призывал своих сограждан подвергнуться этой казуистической гимнастике, вскоре больше заботились о Беллоне и Изиде, чем обо всех богах Нумы вместе взятых. Но мы не можем не восхищаться патриотизмом Скаэволы, хотя и не можем завидовать его этике. Государственная религия никогда не могла быть поддержана аргументами целесообразности; все признавали ее целесообразность, и все же она пала; ее злейшие враги, политики, признавали ее больше всех, и они были единственными, кто применял доктрину на практике. Именно это открытие ее целесообразности и огромной практической ценности и стало причиной ее падения. С практической точки зрения проблема была решена раз и навсегда, но с точки зрения теории следующее поколение, в лице Варро, должно было найти более удовлетворительное решение и достичь компромисса между истиной философии и истиной религии.

Марк Теренций Варро пришел к этой работе, вооружившись всей образованностью своего времени и обладая большим знанием фактов, чем любой другой римлянин его или любого другого времени. В том, что касается проблемы религии, он воплотил эти знания в шестнадцати книгах "*Божественных древностей*", которые он очень уместно посвятил Юлию Цезарю в его качестве Понтифика Максима. Если не принимать во внимание *Sacra Historia* Энния, то его книга стала первым трактатом по систематическому богословию, который когда-либо был в Риме. В этой работе он хотел достичь трех целей: во-первых, путем обзора истории Рима показать, насколько важной была государственная религия; во-вторых, путем изучения греческой мифологии очистить государственную религию от ее аморального влияния; в-третьих, показать, что очищенная таким образом государственная религия полностью соответствует стоической философии. Таким образом, в отношении "трех религий" он соглашался со Скаэвой, полностью отбрасывая религию поэтов и принимая обе остальные, но отличался от Скаэволы тем, что отрицал противоречие между ними и утверждал, что это не две истины, а две формы одной и той же истины. Мы не можем вдаваться в подробности его попыток, потому что, к сожалению, книги, в которых он это писал, были утеряны, и мы снова имеем только цитату в "*Городе Божьем*" Августина. Но мы знаем, что в целом он пытался показать, что формальные доктрины государственной религии были всего лишь популярным изложением истин стоической философии, и что вся система римских богов может быть сведена в теории к великому философскому контрасту между небом и землей, прокреативным и концептуальным элементами. Поэтому человек мог придерживаться обеих религий, как более простого вероучения, так и более заумного. Таким образом, вера человека как добропорядочного гражданина и его вера как разумного индивида не противоречили друг другу в том, что касалось истины, но лишь в вопросе формы, в способе изложения. Героические усилия Варро, подкрепленные всей ученостью его времени и всем влиянием, которое оказывала его слава на его слова, все же потерпели неудачу. Государственная религия была мертва; ее убила политика. Только политическая власть могла вернуть ей жизнь, но это дело рук императора Августа, а не ученого Варро.

В то время как Варро с помощью философского оружия пытался защитить религию государства от ее врагов - поэтов и философов, поэт, также вооруженный философией, пытался защитить римский народ от его злейшего врага - суеверия. Может показаться, что Лукреций не принадлежал к числу друзей старой римской религии и что "*De Rerum Natura*"

была именно религиозной поэмой, и все же его работа была в какой-то степени полезна для старой римской религии, поскольку она нападала на излишества суеверия последнего времени, которое отвратило сердца людей от их старых верований. Суеверие - это паразит, который живет на скептицизме, а с уничтожением паразита скептицизм иногда тоже умирает; и можно сомневаться, что книга Лукреция не оказала значительную услугу делу религии. Ведь религия все еще жила в Риме, хотя у авторов этики конца республики принято почти полностью подчеркивать скептицизм того времени, останавливаясь на позиции Цицерона или Цезаря и забывая о бесконечном числе "маленьких людей", особенно за пределами Рима, в деревне, которые все еще верили в старую религию отцов и все еще исполняли старые праздники Нумы, людей, которые знали об Изиде не больше, чем о стоической философии. Их присутствие раскрывается перед нами в нескольких республиканских надписях, но еще лучше - в продолжении обрядов семейного культа вплоть до последних дней Рима, обрядов, которые не были частью реставрации Августа и которые, следовательно, если бы они умерли сейчас, никогда бы не ожили снова. Мы просто обязаны помнить об этих людях, поскольку они были забыты историей, если рассчитываем получить представление о римской религии в ее истинных пропорциях. Кроме того, они были теми людьми, на которых Август опирался при реставрации, к которой мы сейчас переходим.

АВГУСТОВСКИЙ РЕНЕССАНС

Политика привела к краху государственной религии. Ослабленная атаками скептической философии, изгнанная из сердец простых людей соперничающими культами Востока, государственная религия окончательно утратила свое влияние из-за злоупотребления ею как политическим инструментом. Жрецы опустели, храмы превратились в руины, трава устилала их мозаичные мостовые, а пауки ткали новые алтарные ткани. Для нас, с нашими современными представлениями, казалось бы невозможным, чтобы эта государственная религия когда-либо возродилась; и, вероятно, ни одна другая государственная религия, которую когда-либо видел мир, не смогла бы возродиться, потому что ни одна другая государственная религия никогда не была настолько абсолютной частью государства, если только само государство не было теократией; и, возможно, ни один гений меньше, чем Август, не смог бы выполнить эту задачу даже в чуть более благоприятных условиях, которые предлагала государственная религия Рима. Попытался ли бы Юлий Цезарь провести реставрацию - один из многих вопросов, на которые его смерть оставила без ответа. Конечно, вдумчивые люди его времени надеялись, что он это сделает, и именно в этой надежде Варро посвятил ему свои *"Божественные древности"*, а другой современник, Граний Флакк, - свою книгу *"О призывании богов"*. Но за исключением одного закона, который он издал "о жрецах", мы не знаем ни о его выполнении, ни о его намерениях, и великая задача осталась практически нетронутой для руки Августа.

Чтобы понять, что сделал Август и как ему удалось добиться успеха в отношении государственной религии, мы должны получить некоторое представление о всей схеме Августа в отношении государства в целом, частью которой была его религиозная реорганизация. Одна из самых умных характеристик императора Августа, которая когда-либо была написана, принадлежит покойному профессору Моммзену, но ее относительно уединенное место в латинском предисловии к изданию великой автобиографии Августа, *Res*

Gestae, не позволило ей стать общеизвестной. Моммзен описывает Августа как "человека, который наиболее искусно носил маску великого человека, хотя сам не был великим". Это эпиграмматическое высказывание, несомненно, умно, но не справедливо, хотя это мнение об Августе, которого мы ожидали бы от человека, который, подобно Моммзену, почти безгранично восхищался Юлием Цезарем. На страницах истории вплоть до наших дней встречаются люди, о которых мы говорим, что они не были великими людьми, хотя и совершили великое дело. В некоторых случаях мы, несомненно, можем отделить человека от его работы и оправдать это утверждение, но в других случаях нас обманывает сам человек, как и его современники, какими они были и какими он хотел, чтобы они были. Ведь иногда случается так, что человек, призванный управлять людьми и реорганизовывать неупорядоченное правительство, лучше всего справляется со своей задачей с помощью мягкой дипломатии, примирительной манеры, которую часто неправильно понимают те, кто его окружает, и трактуют мягкость духа как малодушие, а сдержанность - как слабость. Правильнее было бы назвать Августа человеком, который умело носил маску обычного человека, хотя сам был человеком необычным. Чем больше мы изучаем хаотическое состояние Рима при Втором триумvirате и чем полнее осознаем не только полную дезорганизацию форм правления, но и абсолютную деморализацию отдельных граждан, тем больше понимаем, какая почти невыполнимая задача была поставлена перед Августом и которую он успешно выполнил. На протяжении ста лет (133-31 гг. до н. э.), от Тиберия Гракха до Актиума, не проходило и десятилетия, чтобы не произошла какая-нибудь ужасная для Рима революция. Даже великий Цезарь потерпел неудачу, не сумев правильно определить единственное лечение, которому поддавалась болезнь эпохи. Хотя удары, от которых погиб Цезарь, возможно, были лишь исторической случайностью, поступком безответственных людей, его падение не было случайностью, а стало неизбежным логическим результатом его императорской политики. Однако Августу удалось установить такую форму правления, которая позволила ему самому и его окружению занимать трон почти сто лет, и даже после этого, несмотря на революции, его конституция оставалась главным оплотом власти в последующие века. Мы ушли бы слишком далеко от нашей темы, чтобы дать исчерпывающий ответ на вопрос о том, как ему это удалось, но можно сказать пару слов в общих чертах, а остальное станет яснее, когда мы рассмотрим его реорганизацию религии.

Секрет успеха Августа заключался в бесконечном такте и дипломатии, с помощью которых ему удалось укрепить трон и собственное положение на нем, при этом, очевидно, восстановив форму республики и нравы прежних времен. Можно сомневаться, руководствовался ли он соображениями блага государства или собственными эгоистическими целями, но несомненно, что он дал Риму единственную форму правления, которая могла искоренить привычку к революции, и тем самым спас государство. Он добился успеха, потому что не недооценивал трудности задачи и, соответственно, приложил к ней все возможные усилия, особенно подчеркивая психологический элемент и будучи готовым пройти долгий путь, чтобы прийти к своей цели. Он не довольствовался лишь временной поделкой, которая могла бы продержаться до конца его собственной жизни; он закладывал фундамент для будущего. Нигде это не выражено так ясно, как в одном из его эдиктов, где он говорит: "Да выпадет мне на долю создать государство твердым и сильным и получить желанный плод моих трудов, чтобы я мог называться его автором и чтобы, умирая, я мог нести с собой надежду, что заложенные мною основы будут жить". Эти прочные основы должны быть заложены глубоко в национальной психологии, и именно понимание этой психологической проблемы объясняет его реорганизацию религии. Столетие гражданской войны полностью разрушило дух единства и породило бесконечное количество мелких распрей между людьми. Люди так долго смотрели на свои индивидуальные интересы, что почти забыли о существовании государства. Но если дух патриотизма удастся вдохнуть

новую жизнь, то люди будут думать о государстве и забудут о себе, и, объединившись в своей любви к этому универсальному объекту преданности, они усвоят урок единения, который постепенно можно будет распространить на всю их жизнь. Но государство должно быть представлено не таким, каким оно было во всей своей убогости, истерзанное гражданской борьбой; вид настоящего послужил бы только для того, чтобы снова начать ссору; вместо этого оно должно быть идеальным государством, государством, настолько далеким, настолько удаленным от всех граждан, чтобы все они казались одинаково близкими. Если это государство должно было быть чем-то большим, чем просто абстракция, оно могло быть облачено только в благоговейные одежды прошлого, оно должно было быть Римом старых добрых времен. Но если они не должны были вечно оплакивать "золотой век" в прошлом и потерянный рай, то должна была существовать и надежда на будущее, на рай, который должен быть восстановлен. Одним словом, в сердца людей должна быть вложена вера в вечность Рима. Так родилась идея "вечного города", и не случайно первое упоминание этой фразы в литературе встречается у Тибулла, поэта эпохи Августа. Убедившись в вечности Рима, люди могли обратиться к прошлому за вдохновением в полной уверенности, что бывшие красоты могут быть получены вновь. Но Август был не просто сентиментальным энтузиастом, он видел, что недостаточно, чтобы люди бросили свои мечи при прозрении "*Roma Aeterna*", чтобы их глаза устали и, обратившись к земле, снова увидели мечи. Эти мечи должны быть перекованы на лемехи и секачи; опустевшие фермы Италии должны быть вновь заполнены, а стабильность государства должна быть повышена за счет расширения сельскохозяйственного сообщества. Но для осуществления этих реформ требовалось нечто, что было бы одновременно мягче и сильнее, чем законодательные акты. Поэт должен сгладить путь закона. Именно поэт мог лучше всего заинтересовать людей прошлым; поэту поэзия Августа поощрялась и направлялась императором, чтобы, указывая на славу старого Рима, вдохновить людей на создание нового Рима, более славного, чем старый. Практически каждый поэт эпохи прямо или косвенно находился под влиянием правителя. Именно советник императора Меценат подтолкнул Вергилия к написанию "*Георгик*", и эти светлые картины крестьянской жизни способствовали осуществлению планов императора не меньше, чем "*Энеида*" впоследствии. И не только Вергилий писал о сельской жизни; Тибулл, еще более мягкий, чем нежный бард из Мантуи, рассказывал ту же историю в другой форме.

К этому времени мифы, которые Греция подарила Риму или которые Рим создал сам по греческим образцам, стали абсолютной частью национального прошлого. Они тоже вошли в план Августа. Так, еще один протеже Мецената, поэт Проперций, был постепенно отучен от любовной поэзии и вместо нее изголодался по мифам о римских храмах и древнеримских обычаях, так что Синтия постепенно уступает место Тарпею и Вертумну, а Рим Августа - Риму Ромула. Даже неуемный Овидий в своей буйной манере пытался помочь в этой работе и начал в своих "*Фастах*" писать историю религиозных праздников римского года. Но над всем этим, и бесконечно более важным по своему влиянию, возвышается "*Энеида*" Вергилия. Через все разнообразные происшествия двенадцати книг проходит алая нить великой цели - прославления Рима и Августа. От разграбления Трои, через долгие странствия и жестокие войны в Лациуме, до окончательного покорения врага, мы видим Энея, ведомого рукой богов, по воле которых должен был существовать Рим. Урок очень очевиден. Провидение, которое вело нас в прошлом, по-прежнему защищает нас; мы не имеем права унывать, и наше будущее обеспечено нам теми же богами, которые вывели наших отцов из земли троянцев через среду греков. Но в "*Энеиде*" скрыт и другой урок, гораздо более полезный для Августа. Ее герой, непорочный благочестивый Эней, является прямым предком дома Юлиев, к которому принадлежит Август, а основание Рима свидетельствует не только о доброй воле богов к городу, но и в не меньшей степени об их

особом назначении и покровительстве вождю. Таким образом, потомки дома Энея являются божественно назначенными правителями Рима.

Не может быть сомнений в том, что эта поэзия имела не менее масштабный эффект, поскольку ее влияние было трудно оценить и проанализировать. Для психологического результата не обязательно было, чтобы люди действительно верили в эти мифы; многое можно было получить, если они позволяли своим мыслям остановиться на представленных в них идеях. Именно образовавшийся таким образом осадок должен был оплодотворить почву патриотизма, которая стала такой бесплодной во время гражданских войн. Но хотя Августу хватило ума осознать ценность влияния литературы, он не преминул признать, что люди не могут жить одними мифами, что их должны окружать видимые культовые действия и осязаемые храмы богов, чтобы их вера помогала им видеть, а жизнь наполнялась действием. Литература должна была поощрять патриотизм, а патриотизм был основой для духовного восстановления государственной религии, но само государство должно было законодательным путем подготовить внешнюю форму, которую должна была принять религиозная деятельность. На вопрос об искренности Августа в этих религиозных реформах ответить очень сложно. Если суть религии заключается в действиях, а не в убеждениях, в делах, а не в вере, то Август был благочестиво религиозным человеком. Дальше этого мы не можем пойти, так как наше суждение затруднено не только незнанием фактов, но и неспособностью освободиться от современной точки зрения при интерпретации тех немногих фактов, которые нам известны. Не может быть и речи о том, что император подходил для этой задачи с точки зрения священнической образованности, ведь он с ранних лет был членом трех священств: понтифика, авгура, и хранителя сивиллиных книг. Однако с характерной скромностью он воздерживался от того, чтобы стать главным понтификом, пока в 12 г. до н. э. смерть Лепида, отстраненного от власти члена Второго триумvirата, не оставила эту должность вакантной.

Тот, кто понимает политические реформы Августа, без труда поймет и его реорганизацию религии, поскольку обе они проводились на основе одних и тех же общих принципов и по схожим принципам. В обоих случаях упорно избегались новшества и нововведения, за исключением, конечно, тех, которые носили чисто административный характер. В каждом случае прилагались успешные усилия, чтобы создать впечатление, будто восстанавливаются старые институты республики, тогда как на самом деле старой была только форма, возраст которой искусственно подчеркивался иногда архаистическим оттенком, а содержание было совершенно новым. Реальным результатом в каждом случае было укрепление монархии и подчеркивание божественного права дома Юлиев. Поэтому, изучая восстановление религии Августом, мы не должны довольствоваться хроникой старых форм, которые были восстановлены, но должны в каждом случае исследовать новое содержание, которое было вложено в них, даже если доказательства этого содержания часто состоят из простой тенденции. Пристрастие Августа к архаике нигде не проявляется так ярко, как в одном из его самых ранних религиозных актов: официальном объявлении войны против Антония и Клеопатры в 32 г. до н. э. с помощью фетиалей. Фетиалии были очень древней коллегией священников, которые действовали под руководством сената как представители международного права. Именно через них заключались все договоры и объявлялись все войны, но, вероятно, после Пунических войн этот обычай пришел в упадок, и, соответственно, коллегия если не исчезла совсем, то стала незначительной. Но теперь в качестве первого шага в восстановлении жречества Октавиан вернул коллегии их прежний ранг и получил дополнительное преимущество: на народ произвела впечатление моральная правота их дела против Антония и Клеопатры, а также тот факт, что это была внешняя, *то есть* международная, а не гражданская война, в которую они собирались вступить.

Восстановление Октавиана имело долговременный эффект, так как с этого времени жречество стало пользоваться большим почетом во всей империи, и сами императоры были его членами.

Это было очень характерное начало деятельности Августа. В своих религиозных преобразованиях он обращался прежде всего к человеческому элементу, и поэтому жречество требовало особого внимания. Вскоре после битвы при Актиуме он восстановил еще одно очень древнее жречество, жречество братьев Арвалов. Это было очень старое священство, состоявшее из двенадцати мужчин, которые принимали участие в очищении земли, *Амбарвалии*, названной так потому, что церемония состояла из торжественного шествия по границам полей. Но по мере того, как территория Рима увеличивалась и подобная церемония по старинке становилась невозможной и проводилась лишь символически, путем жертвоприношений на различных пограничных пунктах, братья Арваль утратили свое значение, так что даже в этих символических жертвоприношениях их место заняли понтифики. Тем не менее, Август признал в этом жречестве эффективное средство подчеркнуть сельскохозяйственную сторону римской жизни и связать императорскую семью с земледельческим населением. Центром этого нового культа стало святилище в священной роще у пятой вехи Виа Кампана, и именно там были сделаны замечательные открытия надписей, содержащих "протоколы" заседаний этой любопытной корпорации, начиная с Августа. Но пастырская сторона их поклонения была незначительной, даже в эпоху Августа, по сравнению с их молитвами и мольбами от имени императорского дома, так что записи этого якобы сельскохозяйственного священства являются одним из лучших источников для изучения императорского поклонения.

Три других жречества, понтифики, авгуры и хранители сивиллиных книг (*XVviri*), не нуждались в фактическом восстановлении, поскольку их способность вмешиваться в политику сохраняла их в последние века республики, когда политическая польза была самым надежным средством выжить в борьбе за существование. Но тот факт, что они были политически влиятельными, делал контроль над ними еще более необходимым для императора, который хотел иметь в своих руках все возможности политического влияния. Открыто сокрушать какие-либо институты, которые действительно были или, что с его точки зрения было очень похоже на правду, считались оплотом республиканства, противоречило политике Августа. Однако на самом деле эти жреческие институты были одним из главных способов поставить республику под контроль одного человека. Поэтому для Августа проблема была легко разрешима: нужно было лишь создать видимость уважения к этим жреческим обществам, подняв их достоинство еще выше и сделав право на участие в них только для людей сенаторского ранга, а затем самому занять в них главное положение и заполнить их своими сторонниками. Таким образом, республика была внешне спасена, а империя на самом деле укреплена.

Но жречество, которому Август уделял особое внимание, было жречеством Весты, девственниц-весталок. Здесь он руководствовался не только желанием улучшить состояние жречества в целом, но и особым интересом к культу Весты. Причины такого интереса к Весте будут объяснены через некоторое время, когда мы обсудим любимые культы императора; но здесь можно сказать несколько слов о его влиянии на жриц Весты. Девы-весталки были сравнительно мало затронуты политикой, но жречество пострадало вместе со всей остальной религией государства из-за общего индифферентизма и пренебрежения к религиозным вещам, характерного для последних веков республики. Лучшие семьи государства уже не были готовы, как в прежние времена, посвящать своих дочерей служению, и поэтому ранг и, соответственно, влияние весталок в некоторой степени

снизились. Но теперь все это было немедленно изменено, внешние почести и знаки отличия весталок были увеличены до таких привилегий, какими не обладали даже императоры. Когда они проходили по улице, их сопровождал ликтор, как и высших чиновников государства, а в театре им отводились особые места. Но самой характерной вещью, которую Август сделал для них и которая больше всего помогла их делу, было заявление императора, сделанное для повторения в публичных сплетнях, что если у него будет внучка соответствующего возраста, то он без колебаний сделает ее вестальской девственницей.

Под конец жизни Август составил отчет о том, чего он добился за время своего правления, своего рода *compte rendu* его правления. Окольными путями почти все это сохранилось до нас и, естественно, является самым большим источником наших знаний о его деятельности. После перечисления большого числа своих религиозных реформ он добавляет: "Военные трофеи я посвятил богам в Капитолийском храме, в храме бога Юлия, в храме Аполлона, в храме Весты, в храме Марса-мстителя". Эти слова дают нам ключ к разгадке особых религиозных интересов Августа, ключ, который тем более необходим из-за его явно католического духа и кажущегося общего интереса ко всем формам старой римской религии. Человека, восстановившего, а в некоторых случаях и полностью перестроившего восемьдесят два храма различным божествам, нельзя обвинить в излишней пристрастности, когда он подчеркивает одни этапы религии, полностью исключая другие. Но на самом деле под этим общим интересом присутствовали некоторые очень специфические интересы, и этот отрывок из его собственного письма придает большую силу другим свидетельствам о том, какими были эти боги. Естественно, в любом списке главных божеств должен присутствовать Юпитер, поэтому Капитолийский храм упоминается первым; на самом деле, однако, поклонение Августу Юпитеру было скорее вопросом формы, чем реального интереса. Его отношение было скорее изящным принятием неизбежного, чем восторженным почитанием. Юпитер не был приспособлен для его целей, потому что почти невозможно связать Юпитера с конкретной формой правления, отличной от республики, и тем более с конкретной царской семьей, такой как дом Юлиев. Юпитер стал означать республиканство. Капитолийский храм открыл республику в 509 году до н. э., и вокруг него был ореол республиканства, который был слишком искренним, чтобы использовать его как маску для сокрытия имперских черт. С четырьмя другими божествами дела обстояли совсем иначе. Бог Юлий, Аполлон, Веста и Марс Мститель либо уже были идентичны императорской семье, либо легко могли быть с ней связаны.

Центральной чертой религии империи было совершенно уникальное и неизвестное в республике явление: поклонение императорам как богам. Начиная с Августа это было главной характеристикой государственной религии; поэтому ее начало следует искать в его правлении, и он в значительной степени несет за нее ответственность. По нашим современным представлениям, поклоняться живому человеку как богу кажется очень странным; также странно поклоняться мертвому человеку как богу, но здесь мы имеем, по крайней мере, аналогию с поклонением святым и присущий расе инстинкт поклонения предкам, который неожиданно проявляется в каждом из нас через определенные промежутки времени. Но мы должны избавиться от современных представлений и попытаться оценить историческую эволюцию поклонения императорам. Эта эволюция совершенно ясна, и мы можем проследить каждый ее шаг, хотя при этом мы должны помнить, что различные процессы, которые мы вынуждены рассматривать один за другим в нашем объяснении, происходили в природе бок о бок и оказывали симпатические влияния один на другой, которые мы должны исключить из нашего объяснения, но учесть в нашей законченной концепции.

Мы видели, что с самого начала религиозной жизни в Риме существовала идея, что все, каждый человек и каждая семья, имеют своего божественного двойника, человек в форме своего Гения, семья в форме духов-покровителей, Весты, Пенатов, а позже Ларов. Кроме того, под влиянием греческих мифов, которые переняли различные семьи, некоторые боги, изначально независимые, стали особенно ассоциироваться с этими семьями. Каждая семья, естественно, была заинтересована в поклонении своим собственным богам, но это особое поклонение было столь же естественно ограничено конкретной семьей или ее зависимыми членами. Первый предварительный шаг к поклонению императору был сделан, когда богам императорской семьи стали поклоняться другие семьи, затем все остальные семьи, а официально - государство. Но с самого начала боги каждой семьи включали в себя также обожествленных предков, *ди Манов*, сначала мыслимых *массово*, а не как отдельные личности, но к концу республики они стали индивидуализироваться, так что следующим шагом в императорском поклонении было, когда умерший Юлий, конкретный предок Августа, стал почитаться всем народом и официально государством. Но также с самого начала существовал еще один элемент семейного поклонения - культ, воздаваемый Гению или божественному двойнику живого хозяина дома. Затем, соответственно, последовал еще один шаг к поклонению императору - почтение, оказываемое всем государством Гению живого императора. Эти три этапа: поклонение всего государства богам императорской семьи в трех его формах, богам семьи в целом, и в частности обожествленному предку, и Гению живого представителя - все поощрялись и официально устанавливались Августом. Наконец, с Востока пришел образ мыслей, явно противоречащий римским представлениям, согласно которому не Гений живого императора, а сам человек был божественным в жизни и в смерти. Август боролся с этой концепцией, но был вынужден уступить ей и разрешить поклоняться себе непосредственно как богу на самом Востоке и в некоторых прибрежных городах Италии, находившихся под сильным восточным влиянием, но он запретил это в Риме и тем самым создал прецедент, которому последовали все лучшие из императоров, пришедших после него.

Это отступление необходимо для того, чтобы мы могли понять причины предпочтений Августа в подчеркивании определенных культов. Безусловно, он не предвидел и не планировал такого императорского культа, который в итоге вырос из его мероприятий; , однако он был глубоко заинтересован в том, чтобы подчеркнуть поклонение особым божествам своей собственной семьи. Таким образом, четыре бога, чьи имена он объединяет с именем Юпитера в кратком изложении своей религиозной деятельности - Аполлон, Веста, Марс Мститель и бог Юлий - все они тесно связаны с его семьей; а если мы добавим к этому поклонение его собственному Гению, Гению Августа, то получим настоящее ядро его религиозной реставрации. Осталось выяснить, каким образом эти божества связаны с его семьей и как ему удалось подчеркнуть их культ и в то же время привести их в тесную связь с собой.

С момента своего первого появления в Риме Аполлон находился в контрастных отношениях с Юпитером. Оракулы Аполлона, Сивиллины книги, привлекли множество греческих богов, чье присутствие неизбежно должно было ослабить уникальное положение и беспрецедентный престиж Юпитера Оптимуса Максимуса, великого представителя национализма в римской религии. Поначалу этот контраст был едва заметен, и те самые оракулы Аполлона, которым суждено было подорвать всемогущество Юпитера, хранились в его храме и под его защитой. Разница ощущалась все сильнее по мере того, как жречество сивиллиных книг начинало усиливать свое влияние наряду с понтификами, жрецами юпитеровских культов. Это противостояние было подчеркнуто в 367 г. до н. э., когда жречество оракулов было открыто для плебеев, в то время как понтифики все еще оставались патрициями. Сначала целью

патрициев, несомненно, было сохранить за собой более священную и более важную в то время коллегия и открыть меньшее священство для плебеев. Но в борьбе двух орденов то, что было открыто для плебеев, приобрело все большее значение и полностью затмило то, что так тщательно оберегалось, а элементы, которые пытались сопротивляться прогрессу, были раздавлены; и как старое собрание, *Comitia Curiata*, которое патриции сохранили для себя, впоследствии не имело никакого значения по сравнению с *Comitia Centuriata*, принадлежавшей обоим орденам, так и коллегия понтификов потеряла значение, в то время как хранители оракулов неуклонно набирали силу и влияние. Но не только потому, что Аполлон был великим лидером греческого движения в римской религии, Август решил воздать ему почести. Им руководило гораздо более важное соображение, ведь Аполлон был особенно привязан к дому Юлиев во всех его мифических и исторических судьбах. Первым публичным свидетельством благосклонности Аполлона в карьере Августа стала битва при Актиуме; но хотя она и привела к первому провозглашению преданности императора Аполлону, не Актиум сделал его поклонником бога, а то, что он с самого начала был поклонником Аполлона, - Актиум и все последующие знаки благосклонности бога были им подчеркнуты. Как бы много или мало ни знали люди того времени о прежних отношениях Аполлона с семьей Юлиев, легенда о его помощи в Актиуме и увековечивание этой легенды в большом храме на Палатине были достаточным доказательством. Моральное воздействие храма на Палатине невозможно переоценить, особенно если учесть один факт, которым часто пренебрегают: этот храм приобрел бесконечно большое значение, поскольку находился на частной территории, примыкая к личному дому императора, ибо не следует забывать, что Палатин только превращался в императорскую резиденцию, и хотя дом Августа, когда он покидал его, был дворцом, при его жизни это была всего лишь его частная резиденция. Поэтому храм Аполлона теоретически был частной часовней римской семьи, а не местом государственного культа. Здесь поклонялись Аполлону из дома Юлиев. И все же это было нечто большее, чем частное поклонение, поскольку очень скоро он стал центром культа, явно соперничающим с Юпитером Оптимусом Максимусом на Капитолии. Оракулы сивиллы, даже если это были слова Аполлона, никогда не хранились в старом храме Аполлона на Фламинском лугу, а всегда находились в ведении Юпитера на Капитолии. Но теперь эти оракулы, после тщательной переработки императором, были помещены в новый храм на Палатине, и этим центр всех греческих культов в Риме был перенесен от Юпитера к Аполлону, с Капитолия на Палатин, а соперничество между ними было публично объявлено. Храм был посвящен в 28 г. до н. э., и Август позволил его влиянию проникать в римский народ более десяти лет, прежде чем сделал следующий шаг, который фактически параллелил Аполлона и его сестру Артемиду-Диану с Юпитером и Юноной.

Среди греческих богов, пришедших в Рим, мы видим появление в середине третьего века до Рождества Христова пары божеств нижнего мира, Диса и Прозерпины, и связанное с этим введение определенных игр, называемых "светскими", поскольку они должны были повторяться по истечении столетия (*saeculum*). Первое празднование состоялось в 249 г. до н. э., сто лет спустя с небольшим опозданием они были отпразднованы снова в 146 г. до н. э., следующая годовщина была пропущена, поскольку пришлась на разгар гражданской войны между Цезарем и Помпеем, но теперь Август пожелал отпраздновать их. Возникли хронологические трудности, но они не оказались непреодолимыми. Был запущен в обращение оракул или использован уже бывший в обращении, в котором объявлялось, что прошел великий цикл из четырех раз по сто десять лет и что теперь начинается новая эпоха. Император, если и не был ответственен за этот оракул, то очень охотно принимал его. Это была важная часть его плана, согласно которому все вещи должны стать новыми, а с новой эпохой должен прийти новый дух. Новый век должен был начаться с игр, которые одновременно должны быть похожи и не похожи на игры прошлых веков. Они должны были

проводиться, по крайней мере частично, на освященном месте, на *Тарентуме* в *Campus Martius*, они должны были длиться три ночи, как старые игры, но к ним должны были добавиться и три дня, и божества, которым поклонялись ночью, хотя они уже и не были старыми богами Нижнего мира, Дис и Прозерпина, были, по крайней мере, таинственными божествами судьбы и удачи, в то время как боги дня, Аполлон и Артемида, Юпитер и Юнона, были такими же новыми для игр, как и сами дневные праздники. Но равенство Аполлона и Юпитера выражалось не только в параллели Юпитера-Юноны с Аполлоном-Дианой. Оно еще больше проявилось в третий и самый большой день праздника, когда процессия из трех раз по девять юношей и трех раз по девять девиц пела песню в честь Аполлона и Дианы, которую написал Гораций и которая сохранилась до нас среди его сочинений, *Carmen Saeculare*, и о которой, кроме того, свидетельствует недавно найденная надпись, рассказывающая об играх, в словах *carmen composuit Q. Horatius Flaccus (C.I.L. vi. 32323)*. В этот день процессия начиналась от храма Аполлона на Палатине, переходила к храму Юпитера на Капитолии, а затем снова возвращалась к Аполлону на Палатине, тем самым указывая не только на равенство Аполлона и Юпитера, но даже на превосходство первого. Действительно, начиналась новая эпоха, эпоха, в которой новые ассоциации Палатина и блеск империализма должны были победить более демократические ассоциации Капитолия с его неисправимо республиканским Юпитером. Греческие боги, которые до сих пор, по крайней мере теоретически, были подчинены богам старого Рима, теперь получили не только равенство, но и превосходство. Конкретный культ Аполлона, конечно, не всегда сохранял то возвышенное положение, на которое его возвел Август, но даже он никогда полностью не терял своей значимости, в то время как общая идея превосходства императорского культа была теперь утверждена на все времена. Но этот светский праздник Августа интересен и помимо отношений Юпитера и Аполлона, поскольку он представляет собой еще одну иллюстрацию умелого сочетания нового и старого в августовской реорганизации. По форме праздник, безусловно, старый, но, по крайней мере, в двух отношениях он вносит новый элемент. Во-первых, участие в старом празднике, как и во всех старых праздниках, принимали только римские граждане. Другие могли смотреть, но не принимать участия, а также не получать благословений, которые должны были последовать. Но теперь каждый свободный член общины, с женой и ребенком, мог присоединиться к празднованию, и таким образом была заложена нота, которая должна была стать лейтмотивом всего лучшего в изменениях, внесенных империей, чья "самая высокая и прекрасная задача", как выразился профессор Моммзен, "и которую она выполнила наиболее совершенным образом, заключалась в том, чтобы постепенно примирить и тем самым положить конец контрасту между правящим городом и подчиненными общинами, и таким образом изменить старый римский закон городского гражданства в государственную общину, охватывающую всех членов империи". Но и это было еще не все; под видом восстановления старого республиканского института был нанесен удар по самому основанию всех республиканских институтов, а именно по власти сената. Это был праздник Августа *par excellence*, организованный им самим или теми, кому он поручил детали. Сенату практически нечего было сказать по этому поводу, и все же контроль над такими религиозными праздниками до сих пор составлял неотъемлемую часть власти сената. Даже на самой процессии республиканские магистраты, похоже, официально не присутствовали. Таким образом, уже не сенат приглашал магистратов и граждан с хорошей и регулярной репутацией для выполнения определенной божественной функции, а император приглашал всех членов общества, как граждан, так и неграждан, присоединиться к нему в поклонении богам нового государства.

Значительная часть успеха Августа была сомнительно обусловлена определенной формой морального мужества. При всей своей дипломатичности и стремлении чувствовать пульс

народа он никогда не испытывал недостатка в мужестве собственных убеждений. Это лучше всего видно на примере его отношения к своему приемному отцу Юлию Цезарю. С самого начала, когда он взял на себя, даже ценой временного обнищания, выплату наследства Цезаря, он был в высшей степени верен человеку, чьим преемником он был, и эта верность особенно заметна в области религии. Здесь есть два культа, оба связанные с Юлием Цезарем, за которые Август был в значительной степени ответственен: культ самого бога Юлия и культ Марса-мстителя.

Учитывая то, что Цезарь уже сделал для реорганизации государства, и то, что он собирался осуществить, его смерть была национальным бедствием, но его влияние еще можно было спасти и сохранить, возведя его в ранг богов. Для этого необходимо было вмешательство сената, ведь только в руках сената находилась власть принимать новых богов в государство. Так был создан бог Юлий, а слово *divus* получило новое значение. С логикой, которая была характерна для римской религии с самого начала, возведение Юлия в ранг великих и индивидуальных богов сопровождалось его исключением из числа обычных обожествленных предков, так что впоследствии на похоронных процессиях семьи Юлиев его восковая маска отсутствовала в процессиях предков, к которым он больше не принадлежал, но на параде в цирке он присутствовал, запряженный в повозку среди великих богов. Ничто не оставалось без внимания, чтобы сделать его культ заметным и постоянным. Для этого был назначен специальный жрец (*flamen*), и, по иронии судьбы, одним из первых, кто занял эту должность, стал Марк Антоний после примирения с Августом в 40 г. до н.э. Тогда же среди религиозных праздников года ему был выделен особый фестивальный день.

Предполагалось, что этим днем станет 13 июля, его день рождения, но так как в этот день уже проходило важное торжество в связи с играми Аполлона, был выбран день, предшествующий ему, 12 июля. Но нужны были не только жрец и праздник, но и культовый центр, храм Божественного Юлия. Место для этого храма уже было указано в ассоциациях, связанных со смертью Цезаря. Место для него могло быть только одно - на Форуме у Регия, куда несли его тело для сожжения. Там был построен храм, который был посвящен 18 августа 29 года до нашей эры. На месте сожжения тела Цезаря был воздвигнут алтарь, и новый храм был расположен таким образом, что алтарь был включен в его границы, занимая нишу в центре передней линии основания. Храм имел обычную историю разрушения и восстановления в древности, пока в раннехристианские времена его не стали использовать в светских целях, а от языческого алтаря избавились, построив стену по фронту, по диаметру полукруглой ниши, и накрыв алтарь крышей на одном уровне с существующей платформой. Таким образом, алтарь с его историческими и религиозными ассоциациями был полностью утерян из виду, и хотя храм в его основных очертаниях уже давно был раскопан, алтарь был обнаружен только в 1898 году, когда стена была пробита и все было обнажено. Таким образом, голосованием сената, назначением жреца, выделением священного дня в году и строительством храма поклонение богу Юлию было установлено; но именно общая непреодолимая тенденция к поклонению императору сохранила его и сделала образцом для грандиозного последующего развития. Август осуществил свое желание. Люди смотрели на Цезаря как на успех, а не как на неудачу. *Ди Манес* убитого императора был выгодно обменен на Божественного Юлия, и как боги основали старый Рим Ромула, так и бог заложил основы империи, которой управлял его преемник.

Но Августа это не устраивало: людям было приятно смотреть на бога Цезаря как на иллюстрацию оправдания после смерти, как на пример того, как небеса могут исправить ошибки земного существования, но этого было недостаточно; необходимо было подчеркнуть наказание тех, кто стал причиной его земной гибели, показать, что боги были заинтересованы в наказании грешника не меньше, чем в награде праведника, против

которого согрешили. Одно дело - передать своих предков богам, совсем другое - принять меры, чтобы не пойти по их стопам, даже если их последний удел теоретически желателен. Поэтому бок о бок с культом божества Юлия возник культ Марса Ультора, Марса-мстителя. Обстоятельства возникновения культа показывают, что это было не просто поэтическое название, а подлинное культовое имя, родившееся в серьезный момент: ведь великий храм, построенный впоследствии Марсу под этим именем, был заложен Августом "в отместку за своего отца" во время войны против убийц Цезаря, Брута и Кассия. Этот храм, заложенный в Филиппах в 42 году до н. э., строился так медленно, что Август тем временем возвел на Капитолии небольшой круглый храм Марсу Ультору. Он был посвящен 12 мая 20 г. до н.э. В последующие годы Август приступил к сложной и чрезвычайно дорогостоящей задаче приобретения недвижимости для собственного Форума, и здесь был построен и посвящен 1 августа 2 г. до н. э. большой храм Марса Ультора. Но помимо того, что он служил напоминанием о мести, которую боги уготовили тем, кто убил цезаря, он также символизировал дом Юлиев, поскольку Марс был не один в храме, вместе с ним была Венера, родовая мать семьи Юлиев и Августов; таким образом, еще раз подчеркивалась связь между предками правящего дома и великим предком Марсом, от которого произошли все римляне.

Храм, имеющий такие сильные ассоциации с императорской семьей, сразу же стал центром их семейного поклонения и в этом отношении создал еще одного конкурента культу Юпитера на Капитолии. Именно в связи с надеванием *toga virilis* члены императорской семьи отправлялись в храм Марса Ультора, а не следовали вековому обычаю подниматься на Капитолий к святилищу Юпитера Optimus Maximus. Еще важнее то, что знаки отличия триумфа, которые всегда хранились у капитолийского Юпитера еще до того, как он стал Optimus Maximus, и пока он был только "Ударником", Феретрием, теперь хранились в храме Марса Ультора.

Когда все государство поклонялось Аполлону, богу собственной семьи императора, на Палатине, праздновало божественность его предка, бога Юлия, на Римском форуме и признавало Марса мстителем всех, кто причинил императору зло, на новом Форуме самого императора, менее дальновидному человеку могло показаться, что религия в достаточной степени поставлена на службу царской семье. Но Августу так не казалось. Эти культы все три были по сути новыми, а новые культы, конечно, могут легко стать заметными; обычно они так и делают, но со временем приходит проверка, есть ли внешнее давление, достаточно постоянное, чтобы придать постоянство этой заметности. На самом деле ни один из этих трех культов в дальнейшем не занимал того важного положения, которое он имел при Августе. С другой стороны, если опуститься достаточно низко и заглянуть вглубь, можно обнаружить определенные элементы в религиозной жизни общины, которые оставались почти неизменными из века в век. Это были простые элементы, связанные с семейным культом, жертвоприношениями у очага Весте и Гению хозяина дома. Здесь простые верования и элементарные культовые действия оставались практически неизменными с самого раннего периода и до наших дней. Эти культы не нуждались в формальном восстановлении со стороны императора, поскольку не пережили того упадка, который пережили другие культы, но в то же время они могли бы стать прочным фундаментом для его империи и его собственного правления, если бы ему удалось каким-то образом связать их с собой. В случае с Вестой это было сравнительно легко. Понтифик Максим был хранителем весталок, и поэтому 6 марта 12 года до н. э., когда Август стал понтификом Максимом, вполне естественно было устроить праздник в честь Весты и сделать этот день государственным. Понтифик Максим, однако, должен был жить в Регии на Форуме, где на самом деле жил Юлий Цезарь в качестве понтифика Максима. Август не хотел этого делать, поэтому он милостиво

уступил Regia весталкам и сделал своей официальной резиденцией собственный дом на Палатине, выполнив религиозные требования, освятив часть этого дома. На части освященного участка был построен храм Весты, который был посвящен 28 апреля 12 г. до н.э. Это была, строго говоря, его собственная "Веста", очаг его собственного дома, но видное место храма Весты произвело эффект, подобный тому, который произвел храм Аполлона на Палатине, и все государство стало поклоняться очагу императора, а со временем императору стали поклоняться у каждого отдельного очага.

Но венец религиозной политики Августа был еще впереди; им стало установление поклонения Гению императора. После Актиума и в более ранние годы своего правления Августу наверняка не пришло бы в голову выставлять себя, даже в одухотворенной форме своего Гения, перед народом в качестве объекта поклонения. Но тенденция к поклонению императору, которую принесло с собой восточное влияние, не могла не отразиться на самом императоре, и, возможно, это влияние было тем сильнее, что он доблестно боролся с ним. Тогда в государстве уже поклонялись богам его семьи, даже Весте Августа, богине его собственного очага. Он стал отцом своей страны по существу, даже если еще не по имени. Издавна существовал обычай, согласно которому члены семьи должны были поклоняться Гению хозяина дома. В каждом доме Рима этот обычай все еще существовал. Это был очень логичный шаг, который римлянин мог легко сделать, - провести аналогию с семьей и позволить всему государству поклоняться Гению императора, который был главой семьи государства. Идея, таким образом, вовсе не была бессвязной, как и способ ее осуществления, хотя последний был настолько гениален, что заслуживает отдельного рассмотрения.

В старые времена, когда Рим был земледельческой общиной, попечительство богов над полями было одним из важнейших элементов религиозной жизни. Боги были прежде всего покровителями пограничных линий, и поэтому там, где пересекались две дороги и сходились углы четырех ферм, божества, охраняющие эти фермы, почитались вместе как Ларес Компиталес, Ларес *Компита* или перекрестка. Любопытно, что позднее это поклонение было распространено и на пересечение городских улиц, и, что вполне естественно, в городе оно стало более высокоорганизованным, чем в деревне. Для присмотра за деталями культа были созданы регулярные ассоциации, *коллегии*, возглавляемые *magistri vicorum*, которые, однако, не были государственными чиновниками, а всего лишь избранными главами этих коллегий, в основном из низших слоев общества. Зараза гражданских и политических распрей затронула эти коллегии, а также их более аристократические параллели, стоящие выше в социальной шкале, и превратила их в местные политические клубы. Роль, которую сыграли эти клубы в гражданской борьбе, занявшей последний век республики, была такова, что сенат в 64 году до н. э. был вынужден распустить их, хотя они были восстановлены шесть лет спустя и просуществовали до тех пор, пока Цезарь не уничтожил их полностью. Но теперь Август создавал новую организацию для города, разделив его на четырнадцать областей, каждая из которых содержала определенное количество подразделений, называемых *visi*. Старые "коллегии на перекрестках" предоставили ему именно ту возможность, которой он не преминул воспользоваться: казалось бы, восстановить заброшенное республиканское учреждение и в то же время сделать его опорой монархии. Коллегии имели древнюю историю, и их неоднократное подавление было явным доказательством их силы. Они должны быть признаны и взяты под контроль государством, их чиновники должны стать государственными служащими, но, самое главное, их культ должен быть пронизан имперской идеей. Именно здесь проявилось мастерство Августа. В каждом святилище на перекрестках, где раньше поклонялись только двум Ларам, теперь между ними появилось третье изображение. Это был Гений Августа, который отныне составлял неотъемлемую часть

местного культа в каждой части города. Под руководством Гения Августа сами лары стали называться Ларами Августа, и культ приобрел такую популярность, что стал распространяться по всей Италии и даже по провинциям империи, и куда бы ни отправлялись лары, вместе с ними отправлялось и поклонение Гению императора.

Теперь, когда мы увидели, что сделал Август, непреодолимо встает вопрос о мере его успеха. Не может быть сомнений в том, что он добился успеха в достижении непосредственной цели, к которой стремился. Несомненно, была создана официальная религиозная жизнь, и та сила, которую эта жизнь имела, была использована от имени империи. Это лишь отчасти верно для города, но абсолютно верно для провинций, где, в конце концов, в долгосрочной перспективе должен был сложиться баланс сил. В каждом случае религиозная реформа, начатая в городе, быстро распространялась по остальной Италии и в провинциях. Там отсутствовали те негативные элементы, которые мешали ее развитию в самом Риме. Для провинциалов империя была сплошной выгодой, и даже плохой император был гораздо лучше, чем совсем никакой.

Политика Августа воссоздала религию, которую разрушила политика последнего века республики, воссоздала ее в той мере, в какой это было возможно по политическим соображениям. Но дух скептицизма, сделавший возможным политическое злоупотребление религией, не мог быть изгнан никаким дальнейшим применением политики. Можно было создать форму, атрибутику храмов и иерархию жрецов, в чьи обязанности входило совершать определенные культовые действия, но на этом власть постановлений заканчивалась. В основном религиозная жизнь народа продолжалась, к добру или к худу, совершенно независимо от этих вещей. Все, что было живым и реальным в простом домашнем культе, сохранялось и в империи, а те, кто был верен, оставались верными и впредь. Восточные культы, против которых Август сделал все, что посмел, все еще владели умами подавляющего большинства людей, и Митра или Изиды значили бесконечно больше, чем Марс или Веста, даже если Марс был мстителем цезаря, а Веста - богиней собственного очага живого императора. Среди более интеллектуальных слоев населения глупость одних богов, любимцев простого народа, ощущалась так же остро, как и глупость других, тех, кому поклонялись люди прежних времен. Философия, которая внесла свою лепту в крушение веры, начиная со времен Пунических войн, теперь сама предлагала замену вере, которую она отняла. Она больше не довольствовалась разрушительной критикой, которая приводила к негативному взгляду на жизнь, но, по крайней мере, в стоицизме она стремилась дать нечто достаточно конструктивное, чтобы не только стать правилом жизни, но и вдохновить на нее.

Со смертью Августа была закрыта последняя глава в истории старой римской религии. Это была последняя попытка восполнить духовные потребности народа старыми формами и старыми идеями; ведь то, что он предложил, было в основном старым, хотя к нему и примешивались некоторые новые идеи. Отныне безжизненные банальности философии и оргиастические эксцессы восточных культов разделили поле боя между собой, и именно с ними, а не с богами Нумы или даже с божествами сивиллиных книг, христианство вело свои сражения. Это тоже увлекательное исследование, но это уже совсем другая история, а со смертью Августа началась наша сегодняшняя история. И когда мы оглядываемся назад, основные контуры становятся, пожалуй, еще более ясными из-за деталей, в которые мы были вынуждены вдаваться.

В самом начале мы видим простую религию земледельческого народа, все еще сильно окрашенную анимизмом и унаследовавшую от анимистического прошлого определенный формализм, который настолько велик, что почти превращается в содержание. Ближе к концу

царства мы видим, как эта религия развивается под влиянием италийского влияния, вбирая в себя определенное количество элементов, которые отсутствовали в старой религии, поскольку не имели сопровождения в повседневной жизни, но присутствие которых теперь стало необходимым. Этими элементами являются, в частности, идеи политики, торговли, коммерции и свободных искусств. Тогда на мгновение при Сервии, кажется, было достигнуто равновесие, и появилась религия, которая была достаточно проста для старых любителей простоты и достаточно разнообразна, чтобы удовлетворить новые требования общества. Но это было ненадолго, так как духовное завоевание Рима Грецией началось тогда, за три века до физического завоевания Греции Римом. Сонмы греческих божеств вторглись в Рим и захватили его под предводительством сивиллиных книг, и хотя поначалу их держали за пределами *помериума*, даже этот железный барьер был растоплен в пылу Второй Пунической войны, и новые греческие боги хлынули в сам город. В то же время в культ и в сердца людей была принята восточная богиня, Magna Mater, как последнее наследие вредоносных книг, и, таким образом, все элементы разложения были налицо. Этих элементов было три: естественная духовная реакция, вызванная эксцессами периода Второй Пунической войны; очарование Востока, явленное Риму в культе Magna Mater; и новый дар, который Греция теперь сделала Риму, - знание ее литературы, особенно ее философии. В последние два века республики одних этих сил было бы достаточно, чтобы привести к гибели религию, но им помогла политика, которая прикрепила к формализму государственной религии и высосала из нее то немногое, что еще оставалось. Ученые и мудрецы Рима могли сожалеть результате и указывать на причины, но они не могли излечить положение дел. То, что сделала политика, могла исправить только политика, и только реформы самодержца могли восстановить хоть что-то из внешней структуры старой государственной религии. Но дальше этого и политика, и самодержец были бессильны. Против философии и восточного экстаза они были бесполезны. Поэтому дух покинул религию, которую восстановил Август, еще до того, как пришли в упадок мраморные храмы, возведенные им в ее честь.

Эпоха формализма прошла, религиозные запросы человека больше не могли быть удовлетворены простым ритуалом. Для добра или зла требовалось нечто более личное, более субъективное. Люди искали его разными способами и с переменным успехом, но за исключением простых форм семейного поклонения старая римская религия была мертва.

КОНЕЦ.

Отпечатано в издательстве "Р. и Р. Кларк, Лимитед", Эдинбург.

СПРАВОЧНИКИ ПО АРХЕОЛОГИИ И ДРЕВНОСТЯМ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Профессор Перси Гарднер, Litt. D. из университета Оксфорда, и профессором Фрэнсисом В. Келси, Мичиганского университета.

Экстренный переплет 8vo.

ГРЕЧЕСКАЯ СКУЛЬПТУРА. Профессор Эрнест А. Гарднер, М.А. Второе издание, с приложением. Часть I., 5s. Часть II., 5s. Полное собрание сочинений в одном томе. 10s.

Приложение отдельно, 1s. нетто.

ГРЕЧЕСКИЕ И РИМСКИЕ МОНЕТЫ. Г.Ф. Хилл, сотрудник отдела монет Британского музея. Иллюстрированная. 9s.

РИМСКИЕ ПРАЗДНИКИ ПЕРИОДА РЕСПУБЛИКИ. В. Уорд Фаулер, М.А. 6s.

СПРАВОЧНИК ПО ГРЕЧЕСКОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИСТОРИИ. А.Н.Г. Greenidge, М.А. С картой. 5s.

РАЗРУШЕНИЕ ДРЕВНЕГО РИМА. Очерк истории памятников. Родольфо Ланчиани. 6s.

РИМСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. А.Н.Г. Greenidge, М.А. 10s. 6d.

ХРИСТИАНСКОЕ ИСКУССТВО И АРХЕОЛОГИЯ. Справочник по памятникам ранней церкви. В. Лоури, М.А. 10s. 6d.

ГРАММАТИКА ГРЕЧЕСКОГО ИСКУССТВА. Профессор Перси Гарднер, Litt. D. Illustrated. 7s. 6d.

ИЗДАНИЯ МАКМИЛЛАН И КО.

ЕЖЕГОДНИК БРИТАНСКОЙ ШКОЛЫ В АФИНАХ. Crown 4to. No. I. Session 1894-1895, 3s. 6d. net.; No. III. Сессия 1896-1897, 10s. 6d. net; No. IV. Сессия 1897-1898, 7s. 6d. нетто; № V. Сессия 1898-1899, 7s. 6d. net; № VI. Сессия 1896-1900, 10s. 6 д. нетто; № VII. Сессия 1900-1901, 12s. 6d. net; No. VIII. Сессия 1901-1902, 17 с. нетто; № IX. Сессия 1902-1903, 21s. net.; № X. Сессия 1903-1904, 17s. net.

ПУБЛИКАЦИИ АДСКОГО ОБЩЕСТВА

РАСКОПКИ В МЕГАЛОПОЛИСЕ, 1890-1891 ГГ. Авторы Э. А. Гарднер, У. Лоринг, Г. К. Ричардс и У. Дж. Вудхаус. С архитектурным описанием Р.В. Шульца. 4to. 25s. net.

ЦЕРКОВНЫЕ ПАМЯТНИКИ В ИСАУРИИ (КИЛИКИЙСКАЯ ТРАХЕЯ). By the Rev. A.C. Headlam. Imperial 4to. 5s. net.

ПЛАНЫ И РИСУНКИ АФИНСКИХ ЗДАНИЙ. Профессор J.H. Middleton, Litt. D. Под редакцией профессора Э.А. Гарднера. 8vo. 7s. 6d. net.

РАСКОПКИ В ФИЛАКОПИ В МЕЛОСЕ. Т.Д. Аткинсон, А.К. Босанкет, К.К. Эдгар, А.Дж. Эванс, Д.Г. Хогарт, Д. Маккензи, К. Смит и Ф.Б. Уэлч. Императорский 8vo. 30 с. нетто.

ЖУРНАЛ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. 8vo. Vols. 30s. net.; Parts, 15s. net.

КАТАЛОГ КНИГ, ХРАНЯЩИХСЯ В БИБЛИОТЕКЕ ОБЩЕСТВА. Императорский 8vo. 3s. net.

ДОКУМЕНТЫ БРИТАНСКОЙ ШКОЛЫ В РИМЕ. Super-Royal 8vo. Том I. 25 с. нетто; Том II. Рисунки римских зданий шестнадцатого века. Crown 4to. 30s. net. В специальном переплете, 35 с. нетто.

Работы профессора РОДОЛЬФО ЛАНЧИАНИ, LL. D.,

Профессор археологии в Римском университете.

РУИНЫ И РАСКОПКИ ДРЕВНЕГО РИМА. Пособие для студентов и путешественников. Illustrated. Crown 8vo, [*Новое издание готовится.*]

ДРЕВНИЙ РИМ В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ОТКРЫТИЙ. 4to. 24s.

ЯЗЫЧЕСКИЙ И ХРИСТИАНСКИЙ РИМ. 4to. 24s.

НОВЫЕ РАССКАЗЫ О СТАРОМ РИМЕ. Иллюстрированные. 4to. 24s.

MACMILLAN AND CO., Ltd., LONDON.